

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

МЕДИА
КНИГА

НОЧЬ СВАРОГА #4

ТРОПЫ ТРОЯНА

Василий Иванович Сахаров
Тропы Трояна
Серия «Ночь Сварога», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«Никогда, до начала этого произведения, я не делал предисловий. Но в этот раз написать его придется, дабы сразу снять ненужные вопросы и ограничить споры. Однако, прежде всего, напоминаю, что я не профессиональный историк, а любитель древностей и сочинитель, который в свое удовольствие пишет фантастику, фэнтези, а так же, по мере сил и интереса, выстраивает альтернативы.

Итак, для начала, давайте рассмотрим, что же такое тропы Трояна и кто таков сам Троян? Вариантов достаточно много. Но, дабы быть кратким и не утомлять читателей, которые могут разобраться в теме самостоятельно, надо рассмотреть основные...»

Содержание

Предисловие	4
Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	31
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	78
Глава 6	94
Глава 7	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сахаров Василий

Тропы Трояна

Предисловие

Никогда, до начала этого произведения, я не делал предисловий. Но в этот раз написать его придется, дабы сразу снять ненужные вопросы и ограничить споры. Однако, прежде всего, напоминаю, что я не профессиональный историк, а любитель древностей и сочинитель, который в свое удовольствие пишет фантастику, фэнтези, а так же, по мере сил и интереса, выстраивает альтернативы.

Итак, для начала, давайте рассмотрим, что же такое тропы Трояна и кто таков сам Троян? Вариантов достаточно много. Но, дабы быть кратким и не утомлять читателей, которые могут разобраться в теме самостоятельно, надо рассмотреть основные.

Номер 1.

Тропа Трояна – это тракт, сродни Великому Шелковому пути, который пролегал по Италии, Балканам, Малой Азии, Днепру, Кавказу и Дикому полю. А сам Троян это некий мифический славянский царь, который правил великой державой и являлся одним из столпов древней працивилизации.

Номер 2.

Тропа Трояна – это монумент, который установил римский император Траян на Балканском хребте в ознаменование своей победы над даками. И эта теория поддерживается теми, кто считает, что Рим и восточные славяне тесно сотрудничали и, возможно, даже были единым народом.

Номер 3.

Тропа Трояна – это дорога, которая шла вдоль Трояновых валов, они же Змиевы, на Поднепровье. Данные валы не выдумка, они воздвигались на границе степных и лесостепных просторов. Поэтому любой желающий может увидеть их фотографии в сети и даже посетить. А поскольку вдоль этих валов должны были постоянно двигаться патрульные отряды и какие-то обозы, то дорога в любом случае имела.

Номер 4.

Тропа Трояна – это путь самосовершенствования, идя по которому, человек в состоянии достичь уровня бога или хотя бы приблизиться к нему.

Номер 5.

Тропа Трояна – это всего лишь красивая поэтическая метафора из «Слова о полку Игореве». Века Трояновы, соответственно, период расцвета язычества. А земля Троянова, конечно же, Киевское княжество и земли восточных славян.

Таковы основные гипотезы. Однако у меня имеется свое собственное мнение, которое базируется не только на «Слове о полку Игореве» и древних славянских преданиях, но и на логике. Если лезть в дебри, то это отдельную книгу напи-

сать можно, причем большую и толстую, с картинками, схемами и многостраничными цитатами из самых разных текстов. Но кто ее станет читать? Не очень много людей. Да и мне это скучно. Так что излагаю суть.

Согласно легендам о князе Трояне, которого некоторые считают богом, выходит, что он потомок Триглава. Трехликий Триглав богом был достаточно жестким и своенравным, но полезным для людей, ибо отвечал за ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Троян, точно так же как и его небесный предок выходил к людям только ночами и не любил солнечный свет. Ну и, кроме того, он мог легко преодолевать огромные расстояния. Поэтому, лично для меня, логично предположить, что славянский князь и потомок бога мог использовать некую транспортную систему предков. И что же это за система? Да, просто все. Это телепорты. Ведь как-то князь-чародей Всеслав Брючиславич за один только день добирался из Киева в Полоцк? И это уже не легенды говорят, а летописи, в коих вновь всплывает тропа Трояна, которая тесно сплетается с именем легендарного полоцкого князя. Кроме того, в истории, которую мы знаем, неоднократно отмечались случаи, когда люди входили в какое-то место, а появлялись за тысячи километров от него, и не понимали, как это произошло. Конечно, возможно, все проще и это всего лишь какие-то природные аномалии. Но если древние люди знали об этом, то могли использовать их в своих интересах.

Вот такой расклад, который, как мне кажется, нормально

ляжет в основу моего очередного фантастического романа с элементами альтернативы.

Пролог

Константинополь. Весна 1148 от Р. Х.

Покрытая сухой старческой кожей рука приподняла с шахматной доски пешку и передвинула ее на одну клетку вперед. После чего игрок, седой бородатый мужчина в черном подряснике священнослужителя и массивным золотым крестом на груди, посмотрел на своего оппонента, который пригласил его в свой дворец.

Этого священнослужителя звали Николай Музалон, и вот уже полгода, с подачи императора, он был патриархом всех восточных христиан. А смотрел он на своего государя и покровителя, русоволосого, но смуглого, словно азиат, Мануила Комнина, который недавно перевалил рубеж в тридцать лет и был вдвое моложе Николая Четвертого. Что, впрочем, не мешало ему обращаться к патриарху по-свойски, поскольку они были знакомы давно, и делали общее дело, старались возвысить Восточную Римскую империю, сдерживали натиск мусульман и расширяли влияние ортодоксального христианства на соседние государства.

Император не торопился. Он не любил спешки в игре, во время которой часто разговаривал с близкими людьми о делах государства. Вот и сейчас повелитель империи не торопился, а поймал взгляд патриарха, дождался, пока он опустит глаза, и сказал:

– С границы сообщают, что вскоре в Константинополь прибудет посольство германцев. А еще моя супруга Берта Зульцбах получила письма от своих родственников из Германии. И они пишут, что в Священной Римской империи смута. После смерти Конрада Третьего и разгрома крестоносцев все, кто сохранил хотя бы какое-то количество воинов, сцепились в драке за потерявшие владетелей земли. А молодому королю Генриху Беренгару не хватает сил, чтобы обуздать своих вассалов.

Патриарх медленно кивнул:

– Мои источники подтверждают это. Однако Генрих справится. Не сам, конечно, потому что он еще мальчишка. Но рядом с ним дядя, Фридрих Одноглазый, который поможет племяннику.

– Ну да, конечно. Но это лишь в том случае, если по германцам не ударят соседи.

– Франки и венгры?

– Они самые.

– Эти могут. Однако нужно ли нам это?

– Не думаю, – император сделал ответный ход и добавил: – На короля Людовика Седьмого нам надавить нечем, а вот венгры, хоть и не любят нас, но к моему и твоему мнению прислушиваются. Поэтому мы с тобой, Николай, должны употребить все свое влияние, чтобы они не напали на германцев.

– Это будет сложно сделать, ведь угры вассалы империи

лишь номинально. Хотя ваша матушка была дочерью их короля, а нынешний государь венгров вам родственник. Да и влияние нашей церкви на них не так велико, как бы нам того хотелось.

– И все же, нам нужно перенацелить венгров на другое направление.

– А куда?

– На Балканы, где с их помощью мы сможем раздвинуть границы империи. Уграм, конечно, тоже кое-что перепадет, но главные завоевания будут нашими.

– Со своей стороны я постараюсь сделать все, что только возможно.

– Хорошо. – Мануил проследил за ответным ходом патриарха и вздохнул: – Знаешь, Николай, чем больше я размышляю над тем, что произошло на севере, тем больше радуюсь разгрому католиков.

– Почему? – патриарх, который знал Мануила давно, с самой ранней его юности, когда он был всего лишь четвертым наследником императора Иоанна, не удивился его словам, но вопрос все же задал.

– Думаю, что если бы крестоносцы двинулись в Святую землю через наши владения, нам пришлось бы встать на их сторону, и это вызвало бы объединение мусульман. Наверняка, на востоке провозгласили бы «священную войну» против неверных и полчища последователей пророка, забыв обо всех своих разногласиях, накинулись бы на хри-

стиан. Ну, а так пока все неплохо. Краса Ислама и покоритель Эдессы атабек Имад ад-дин Зенги убит собственным слугой, коему он пригрозил смертной казнью. Поэтому его потомки делят наследство, а натиск на Иерусалимское королевство и Антиохию ослаб. Наши союзники Данишмендиды, что Ягы-басан, что Айе ал-Дин, по-прежнему ищут нашей дружбы и точат клинки на султана сельджуков Масуда. И все это в то время, когда брат султана Арап находится в Константинополе и собирает для похода в Иконию наемные войска. В Киликии мелкие эмиры грызутся за крохотные клочки земли. Крестоносцы боятся Зенгидов и не наступают на нас, хотя не так давно князь Раймундо Антиохийский отобрал у меня несколько пограничных замков, и пришлось высылать против него серьезный флот. А король Сицилии Рожер Второй, который собирался атаковать наши владения в Далмации, Иллирии и Южной Греции, по слову папы римского, послал своих воинов в Испанию и Святую землю. Вот и получается, что падение Крестового похода для нашей империи благо. Мы сберегли своих воинов, не потратились на содержание крестоносцев и не разрушили выгодные союзы с мусульманами.

– Да, – согласился с Мануилом патриарх. – Однако проблем все равно хватает.

– Само собой, – император усмехнулся. – Идеал недостижим. Вот если бы нам удалось договориться с папой об унии двух церквей, Восточной и Западной, тогда да, можно бы-

ло бы сказать, что Бог присматривает за нами и помогает своим верным последователям.

– Не богохульствуй, – Николай нахмурился.

– Ладно, – император еле заметно усмехнулся. – Но хотелось бы знать твое мнение о возможности договориться с Римом.

– Папы никогда не пойдут на такой шаг.

– Почему?

– Ты требуешь слишком большой светской власти, словно древний римский император, и над Востоком, и над Западом, а католикам это ненужно, ибо сильная власть опасна для церкви. Кхе-кхе! – Музалон закашлялся. – Я тому пример. Ты захотел и сделал меня патриархом, а пожелаешь, сможешь изъять у церкви все ее богатства. Так уже случалось при прежних императорах, хотя бы Никифора Фоку вспомнить. Да и твои законы об ограничении количества земель, какими может владеть церковь, свидетельствуют против тебя. А захотят ли кардиналы, аббаты и сам папа римский, находиться в подчинении светской власти? Конечно же, нет.

– А если я умерю свои аппетиты и дам церкви послабления?

– Вряд ли это поможет. Ведь католики тоже не простаки и желают заполучить жирный кусок. Они требуют власти над всеми христианами, а это уже не подходит нам, ибо слишком велики различия между двумя ветвями христианства и мы, ортодоксы, не желаем, чтобы нами руково-

дили из Рима. Впрочем, зачем я тебе это говорю? Ты и без меня все прекрасно знаешь и понимаешь.

– Все так. Однако я не теряю надежду, что когда-нибудь мы вновь объединимся. – Мануил помолчал, тяжело вздохнул и спросил Николая: – А что у нас с Русью? Я слышал, у нашей церкви возникло некоторое недопонимание с новым великим князем. Это верно?

– Да, государь. Власть в Киеве захватил переяславский владетель Изяслав Мстиславич, и он, воспользовавшись тем, что после низложения Козьмы Аттика в Константинополе девять месяцев не было патриарха, протолкнул на пост митрополита своего человека.

– Надо же, – по губам императора пробежала улыбка, – он поступил, так же как и я, молодец. Жаль только, что он не на нашей стороне.

– Это прискорбно. Однако наше присутствие на Руси все же весьма ощутимо влияет на политику русских и церковь, рано или поздно, но вернет все на круги своя.

– Ты уверен в этом?

– Более чем.

– Помощь понадобится?

– Как всегда, не хватает людей.

– Ты их получишь, и разберись с этим поскорее, ибо Русь для нас очень важна.

Патриарх все понимал, и беспокойство императора разделял. Утратить влияние на богатые и многолюдные русские

княжества, которые обеспечивали империю дешевыми товарами и мехами, наемными воинами и паломниками, а помимо того часто прикрывали ромеев от набегов дикарей-половцев, было бы сильным ударом. Допустить этого нельзя, но и действовать наобум тоже не следовало. Особенно после того как венеды, коим помогали новгородцы, смогли остановить западных крестоносцев.

Тем временем император передвинул очередную фигурку, всадника на коне, и произнес:

– Тебе шах, Николай.

Музалон посмотрел на доску и понял, что партия проиграна. Его король оказался в ловушке, и он произнес:

– Признаю свой проигрыш.

– Вот то-то же, – довольный собой Мануил встал из-за стола и сказал: – Увидимся через пять дней, и будь готов предоставить доклад о том, что сделано по венгерским и русским делам.

– Обязательно, мой государь.

Николай Четвертый поднялся вслед за императором. Мануил Комнин поцеловал ему руку, а патриарх перекрестил его, и они расстались. После чего, уже покидая дворец, Музалон стал прикидывать, что он должен сделать в первую очередь, дабы воля императора, который имел все задатки, чтобы стать Великим, была выполнена.

Глава 1

Зеландия. Весна 6656 от С.М.З.Х.

Ночью мне приснился сон, мутный какой-то и нездоровый. Вроде бы я попал в трясины, которая засасывает меня. Мои руки цепляются за ветки чахлого мокрого кустарника и соскальзывают, опоры нет, вокруг темно и я хочу позвать кого-нибудь на помощь. Но густая болотная жижа попадает в рот, и забивает гортань. После чего тьма сгущается, и я, напоследок различив озаренное призрачным светом лицо старого Векомира, который склонился надо мной, с головой погружаюсь в бездну...

На этом моменте я проснулся и по глазам ударил яркий солнечный свет. В моем доме стояла тишина, и чистый воздух был напоен ароматами сушеных трав, которые Нерейд регулярно подвешивала по углам жилых помещений. Неприятный бредовый сон, который неизвестно чем или кем был навеян, отступил. В душу вновь вернулось спокойствие и, посетовав, что проспал рассвет, я сел на кровать и задумался.

Итак, начинается новый день моей жизни и я, некогда подполковник Вадим Андреевич Соколов, который несколько лет назад провалился в двенадцатый век от Рождества Христова и трансформировался в витязя Вадима Сокола, могу сегодня ничего не делать и никуда не спешить. Крестоносцы,

которые потерпели сокрушительное поражение под стенами города Волегоща, нас не тревожат и, покидая построенные на венецких землях укрепления, спешат на родину, в Германию, Францию, Англию и Италию. Датчане сидят в своих ютландских владениях и о войне с нами не думают, а ляхи заняты местными разборками. Вот и выходит, что непосредственная опасность Венедии не грозит, и есть возможность отдыхать, любить своих жен, старшую Нерейд и младшую Дарью, воспитывать детей, укреплять владение на острове Зеландия и отстраивать основанный мной город Рарог.

Однако не судьба, ибо я человек беспокойный и тревожный. На дворе начало месяца травня (май) и приближается срок моего отправления на Русь. Так что с отдыхом, наверное, придется завязывать. От крестоносцев мы отбились — это факт. Однако они все равно вернуться. Может быть, через десять лет, пятнадцать или двадцать, сие неизвестно, но война с ним продолжится. Ведь мы непримиримые враги. И чтобы выстоять, требуется четко это понимать и готовиться к продолжению боевых действий, становиться сильнее, набирать воинов, ковать оружие и изобретать новое, учить людей и вести поиск союзников.

Все это очевидно. Поэтому, сразу по окончании военной кампании, которая получила название Северная война, я решил посетить княжества восточных славян и постараться привлечь их на сторону язычников. При этом я понимаю, что сделать это будет не просто. Но трудности меня не пу-

гают. Вот бесноватых католиков остановить и темного злодея Бернарда Клервоского прикончить, это да, была проблема. А с русскими, хоть они официально и христиане, думаю, договоримся. Поскольку не чужие люди и общие интересы у нас имеются. Ну и, кроме того, покойный полоцкий князь Василько Святославич открыл мне, где находится тайный схрон и святилище его предка Всеслава Брячиславича. Тайна меня гложет, не дает покоя и я намерен вскрыть тайник, ибо есть некоторое понятие о том, что там может находиться.

Про книги или древние артефакты при этом как-то не думаю. Главное, это выход на тропу Трояна, древнюю транспортную систему небожителей. Правда, известно мне про нее немного и, думаю, даже волхвы из Арконы про тропу не очень много знают. Но одно можно сказать сразу. Это некая установка или система, которая позволяет понимающему человеку с даром ведуна в считанные минуты перескакивать тысячи километров. Как там, в «Слове о полку Игореве», сказано? Кажется, примерно так: «Вот когда бы ты, соловей, эти полки щекотом своим воспел, мыслию растекаясь по древу, умом летая под облаками, свивая славу давнего и нынешнего времени, волком рыща по тропе Трояной через поля на горы».

Однако, об этом немного позже. Перед отправкой в новый поход поговорю с волхвами, и обязательно посоветуюсь с Векомиром, который сильно болеет и все больше слабеет, и лишь после этого приму окончательное решение...

Я встал, привел себя в порядок, спустился вниз, позавтракал и прошелся по городу, который жил мирной жизнью. Затем вернулся домой, засел в кабинете, вытащил свои записки и до полудня решил заниматься делами. Сначала прикинул, какие товары повезут в земли новгородских поморов, которые живут на берегах Студеного (Белого) моря, торговые суда из Ророга. Далее подсчитал, сколько воинов поведет в Ла-Манш командир «Карателя» Ранко Самород. А потом вновь переключился на свое путешествие в русские княжества и окончательно определился с составом отряда. Решено, пойду на двух драккарах, на «Святославе» и «Перкуно». А с собой возьму пруссов Пято Ратмировича, воинов Ивана Ростиславича Берладника, половину черных клобуков, лесовиков Калеви Лайне и четыре десятка варогов. По штатам экипажи будут забиты и первым городом, который мы посетим после Новгорода, станет Полоцк, где я надеюсь проникнуть в потайное место Всеслава-чародея и завладеть его секретами. И только затем придет черед политики.

Кстати, насчет политической ситуации. Что же творится в русских пределах? Хм! Как что? В землях восточных славян в полный рост бушует гражданская война, где есть два основных лидера, вокруг которых и происходят главные действия. Первый, суздальский князь Гюрги, он же Юрий Владимирович, в крещении Георгий, по прозвищу Долгорукий, сильный и хитрый лидер, неплохой военачальник и ярый сторонник единения с Константинополем. Другой, бывший

князь переяславский, а ныне великий князь Киевский Изяслав Мстиславич, в крещении Пафнутий, умный и рассудительный человек, который захватил великое княжение в обход всех правил. И если прикидывать расклады, кто, где и чей, то получаем следующее. За Долгорукого стоят изрядно ослабевшие Ольговичи, которых направляет Святослав Ольгович, Суздаль и Владимир, верный вассал Византии галицкий князь Владимирко Володаревич, коему за граница ближе и роднее Киева, а так же родичи по матери половецкие ханы и часть наемных бродников. На стороне Изяслава киевяне, переяславцы, новгородцы, рязанцы, смоляне, языческое племя голядь, черные клобуки и родственник, венгерский король Геза Второй.

По большому счету, мне не симпатичен никто из этих двух князей. Оба преследуют свои цели, укладывают в земельку русских людей, сжигают города и разоряют поселения, и все ради власти и собственных амбиций. Однако других знаковых фигур на Руси пока нет, и в данном случае вступает в ход правило, что враг моего врага может стать моим другом. А поскольку с Ольговичами и Гюрги, по понятным причинам, мне не по пути, а с Мстиславичами нет никаких споров, а даже наоборот, я знаком с Мальмфридой Мстиславной, родной сестрой Изяслава, то кашу придется варить именно с ними. Опять же Изяслав великий князь и его слово пока весит поболее слова Долгорукого. Ну и, кроме того, Мстиславич ратует за создание национальной церк-

ви и нам, венедам, это на руку. Потому что с русским митрополитом договориться реально, а вот с византийским засланцем, практически невозможно.

Кстати, надо бы коснуться этого вопроса подробнее, дабы ситуация прояснилась. До недавнего времени все киевские митрополиты назначались из Константинополя. Как правило, они являлись греками и проводили в жизнь политику, которая была выгодна ромеям. Изяславу Мстиславичу это было не по нраву, и когда он занял Киев, то вскоре собрал Собор русских епископов, и предложил на пост митрополита своего человека, калугера (уроженец Калуги) Климента Смолятича. И вот тут-то, как мне сообщили торговые партнеры ладожские Соколы, жизнь и показала, кто есть кто, потому что мнения Собора разделились. Феодор Белгородский, Онуфрий Черниговский, Евфимий Переяславский, Феодор Владимирский, Иоаким Туровский и Дамиан Юрьевский поддержали великого князя, а значит для меня эти люди, как минимум, патриоты, хоть и христиане. А Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский (ромей) и Козьма Полоцкий (тоже ромей), обозвали своих товарищей епископов волками и Климента Смолятича не признали.

Такие вот дела и для меня, как представителя Венедии и верного витязя бога Яровита, Изяслав Мстиславич ближе, чем его противники. А чтобы меня приняли при дворе великого князя как своего, я попросил у Мальмфриды Мстиславны рекомендательное письмецо для брата. Правда, быв-

шая датско-норвежская королева до сих пор не ответила, но, думаю, что она меня не кинет. А коли отмолчится и сделает вид, что знать меня не знает, то и не страшно. Вадим Сокол сам по себе фигура весомая и выйти на контакт с великим князем мне совсем не сложно.

Далее всплывает новый вопрос. А каков мой план? Сам с собой я могу быть честен и ответ на поверхности. Плана нет, ибо не хватает точной информации, и я не знаю, что сейчас происходит на востоке. Да, есть некоторые сведения от купцов и венецианской разведки. Однако все данные устарели минимум на полгода, а полагаться на известную мне историю уже нельзя, ибо она изменилась. Люди, которые должны были жить, могли умереть, а тот, кто был убит в бою, запросто живет и ни о чем плохом не думает. И если в известной мне реальности Юрий Долгорукий, в конце концов, одержал победу, так как Изяслав умер, то в текущей, наверняка, все сложится иначе. По этой причине необходимо лично на месте разобраться, что к чему, посмотреть на главных фигурантов вблизи и только затем планировать свои действия. Но конечная моя цель, к которой я пойду по трупам и сметая любые преграды, ясна и понятна. Русь должна выпасть из сферы влияния Византии и обрести одного правителя, а Изяслав на эту роль подходит, ибо он был одним из первых русских князей, кто стал именовать себя царем. И если удастся с ним договориться, то надо сплести интересы Киева и Арконы в один крепкий узел, да так, чтобы беды Венедии вос-

принимались на Днепре как свои, и наоборот. В единстве сила – это непреложная истина и пока родственные друг другу славянские племена будут стоять заодно, никакой папа с крестоносцами и никакие византийцы с огненосными дромонами нам не страшны...

– Тук-тук! – прерывая мои размышления, в дверь постучали.

Это была Дарья, я чувствовал ее. Поэтому захлопнул искерканную схемами тетрадь и произнес:

– Да, милая, входи.

– Ты не занят? – жена, русоволосая красавица, заглянула внутрь.

– Нет, – я улыбнулся. – А что, есть предложение подняться в спальню?

– Вот еще, – Дарья слегка смутилась и зарделась. – День ведь на дворе.

– А ради чего тогда зашла?

– Из порта гонец. В гавань входит корабль, вроде бы датский.

«Может быть, это Свен Эстридсен опять в гости пожаловал? – подумал я. – Нет. С ним мы общаемся исключительно через купцов и у нас все договорено. Он согласен пойти вместе с Самородом на грабеж европейцев, и я его понимаю. Самому пить-кушать надо и хирдманы пообносились, а против нас пойти, значит окончательно всего лишиться. Лично ему в набег отправляться не с руки, ибо папа разгнева-

ется, да и германцы подобного не простят. А вот под флагом Сокола католиков потрусить, другое дело. Конечно, рано или поздно, тайное станет явным. Однако Эстридсен тип хитрый и когда папа римский или германцы начнут его прижимать, то он отопрется, свалит всю вину на одного из своих подручных и концы в воду. Впрочем, пока это неважно. Сейчас мне интересно, кто в гости пожаловал, а раз так, то надо бы в порт сходить».

Накинув поверх мундира плащ, я подумал, что давно пора нацепить на погоны полковничьи знаки, где вместо звездочек будут громовники, и вышел. Во дворе ко мне сразу же пристроились воины Немого и гонец, один из гарнизонных бойцов, и на ходу я спросил его:

– Что за корабль входит в порт?

– Шнеккер, – ответил он.

– Как определили, что он датский?

– Наши все под флагами и на входе опознавательные знаки подают, а этот не отвечает и у него на борту викинги, этих сразу видно.

– Так-с. Посмотрим, кто это такой шустрый.

Наша группа прошла по улицам Рарога, вышла за городские ворота и спустилась в порт. Здесь уже находилась дежурная сотня воинов, и катапульты на оборонительных башнях были приготовлены к стрельбе.

«Все как положено», – машинально отметил я слаженные действия дружинников. После чего оказался на прича-

ле, к которому уже прижался шнеккер, и моя левая ладонь сомкнулась на рукояти превосходного стального клинка, которому было далеко до Змиулана, но уж какой есть.

Первыми на причал спрыгнули три кряжистых воина в тяжелой броне. Кольчуги с пластинами на груди, на головах шлемы с полумасками, а на левой руке у каждого круглый щит без герба. По виду норвеги, и они готовы к драке, но за мечи не хватаются. Значит, телохранители. Но кто их вождь?

Только я задал себе этот вопрос, как появился хозяин грозных воителей, точнее сказать, хозяйка, стройная пожилая женщина со следами былой красоты на аристократическом лице и густой сединой в некогда черных волосах, которая была закутана в дорогую соболиную шубка. Та самая особа, о которой я не так давно вспоминал, дочь Мстислава Великого и шведской принцессы, дважды бывшая королева, Мальмфрида Мстиславна. Вот кого не ожидал в гости, так это ее. Может быть, что-то произошло? По ее спокойному виду это не определишь, ведь такой опытный интриган, как она, всегда сможет спрятать свои истинные чувства. Да так, что даже ведун, вроде меня, ее истинные намерения не предугадает.

– Здравствуй, уважаемая Мальмрида, рад приветствовать такого дорогого гостя как ты, у себя в городе, – дав знак воинам не суетиться, я шагнул навстречу женщине, а затем указал в сторону ворот. – Проходи. Отдохни с дороги. Мой дом – твой дом, ибо я тебе искренне рад.

Мальмфрида, однако же, покидать причал не торопилась, а замерла на месте, кивнула мне и улыбнулась:

– И тебе не хворать, воевода Вадим. Извини, но не могу принять твоего приглашения. Тороплюсь в Дубин.

– Ну-у-у... – протянул я и развел руками. – Обижаешь. Что решат три-четыре часа? Ведь это такой пустяк.

– Нет. – Женщина отрицательно качнула головой. – В следующий раз обязательно у тебя погощу, но не сейчас.

– Как знаешь, Мальмфрида Мстиславна. Но ты ведь ко мне не просто так пожаловала?

– Конечно.

Она встала рядом, и мой левый локоть выдвинулся вперед. Мальмфрида облокотилась на него. После чего мы двинулись вдоль длинного причала, и я спросил ее:

– И что же привело тебя в Рарог?

– Ты просил рекомендательное письмо к моему брату Изяславу, и я написала его.

– Благодарю. Это все?

Женщина помедлила и ответила:

– Нет. Есть еще кое-что.

– И что же это?

– Про тебя говорят, что ты видишь будущее, и я хочу задать тебе пару вопросов.

– Я не пророк и люди ошибаются, когда болтают, будто река времени для меня прозрачна.

– Вот значит как? – глаза Мальмфриды слегка сузились

и полыхнули гневом. – Если не хочешь отвечать, так и скажи, а мне лгать не надо. Я знаю, что ты ведун и мне достоверно известно, что именно Вадим Сокол, а не кто-то другой, предсказал Крестовый поход и многое другое, что помогло венедам сдержать натиск половины европейских государств.

«Это кто же, мать его так и разэдак, такой болтливый? – с досадой подумал я. – И что теперь делать? Продолжать спорить с королевой или пойти у нее на поводу и изобразить оракула? Наверное, проще согласиться с ней и ответить на ее вопросы, ибо спорить с женщиной себе дороже. Особенно если она на взводе или вбила в голову какую-то идею».

– Ладно, успокойся, – примиряющим тоном, сказал я. – Отвечу на твои вопросы. Спрашивай.

Мальмрида крепче стиснула мой локоть и победно улыбнулась. Как же, она, слабая женщина, уболтала ведуна, да еще так легко, всего парой фраз и без долгих споров. Что же, пусть потешит этой мыслью свое самолюбие, а мне от этого ни тепло, ни холодно.

– Расскажи мне о будущем моей родственницы принцессы Катарины, ведун. И если ответишь, то я буду считать, что обязана тебе. Будет ли она счастлива в браке с сыном Никлота?

«Эхма! – вздохнул я. – Люди. Все-то вы хотите знать, и сами все выбалтываете, а потом удивляетесь, как же шарлатаны вас за нос водят. Тоже мне вопрос нашла. Ведь все просто. Ты на корабле спешишь в Дубин и спрашиваешь

о родственнице. Катарина дочь твоей племянницы Кристины и одного из норвежских королей, кажется, Магнуса Четвертого Слепого. Это раз. Кроме того, ты упомянула брак и сына Никлота, а у него свободен только один, самый младший Прислав. Это два. Складываем одно и другое, в итоге получаем сведения. Каких слов ты от меня ожидаешь, Мальмфрида, я понимаю и постараюсь тебя не разочаровать. А то мало ли что. Ты дама в возрасте и беспокоиться тебе не стоит».

Экс-королева ждала моих слов, видимо, очень крепко ее беспокоила судьба родственницы, и я, прикрыв глаза, сказал:

– Катарина, которая сейчас на твоём корабле, – кивок на шнеккер, – будет счастлива. Прислав человек добродушный и мирный, жену станет любить, и зря не обидит...

– А дети? Дети появятся? – перебила она меня.

«Почему вопрос о детях? Наверное, потому, что у тебя, Мальмфрида, родилась девочка и у Кристины Кнудсдоттер, которая является матерью Катарины, была только одна девочка. А Никлоту, который через Катарину роднится с норвежским королевским родом, нужны внуки. Вот ты и суетишься, хочешь быть в этом уверена, прежде чем с князем бодричей на серьезный разговор выйдешь. Это ясно».

– Дети будут, – я кивнул, потянул паузу и выдохнул: – Три мальчика и девочонка.

– Это точно?

«Совсем обнаглела Мальмриды. Ну и ладно».

– Да.

Я открыл глаза и правой рукой вытер со лба пот, которого там не было. После чего посмотрел на женщину, глаза которой светились неподдельным счастьем, и она слегка поклонилась мне:

– Отныне я твоя должница, Вадим Сокол.

Что тут скажешь? Ничего. Поэтому я только пожал плечами и пробурчал:

– Ага!

Больше предсказаний мы не касались. Мальмфрида Мстиславна передала несколько писем для родни в Киеве и Новгороде, и еще одно для великого князя. А затем мы перекинулись несколькими ничего не значащими фразами, я проводил собеседницу к кораблю и здесь смог увидеть будущую невесту княжича Прислава. Это была белокурая девочка двенадцати лет, худенькая и голубоглазая, взгляд испуганный и несколько настороженный, но умный. Такой была Катарина, невеста четырнадцатилетнего Прислава, который ожидал ее на развалинах Дубина. И глядя на нее, я подумал, что, наверное, нелегко девчонке было. Беспутного папашу свои же подданные кастрировали и ослепили, а потом отправили в монастырь и через несколько лет ссылки убили. А мать, королева Кристина, дочь Кнуда Лаварда и Ингегерды Мстиславны, едва по рукам не пошла. Так что если бы не заступничество Мальмфриды, которая вместе со своими боевиками вовремя появилась при дворе, а потом договори-

лась о замке для племянницы и маленьком содержании, то и все, ждала бы ее участь наложницы.

Впрочем, для Катарины это все в прошлом. Никлот мужчина суровый, но его младший, в самом деле, парень мягкий, если верить моему соседу Вартиславу. Значит, жизнь у девочки переменится к лучшему...

Вскоре шнеккер Мальмфриды отчалил и пошел в сторону материка. Я проводил удаляющийся кораблик долгим взглядом, а потом собрался вновь вернуться к делам. Но появился запыхавшийся голубятник, который сунул мне в руку клочок бумаги. Сердце, моментально, затопили недобрые предчувствия. Произошло нечто плохое и, развернув послание, я понял, что не ошибся, и не зря утром мне снилось болото, а затем проявилось лицо Векомира. Оказалось, что записка прилетела из Арконы, и в ней было сказано, что минувшей ночью скончался верховный жрец Векомир.

«Да уж, дела-а-а... – мысленно произнес я и посмотрел на чистое голубое небо. – Тебе-то хорошо, Векомир, ты уже в Ирии, жизнь прожил достойно и отмучался. А мне еще пахать и пахать, убивать, обманывать, строить и рушить. Эх-хе-хе!»

– Вадим, – ко мне подбежал заметивший голубятника и мой обеспокоенный вид Пято Ратмирович, – случилось чего?

– Случилось, – подтвердил я. – Векомир умер.

– И что теперь?

– Готовь «Святослава» и «Перкуно» к походу. Завтра выходим в море. Курс на Аркону.

– А оттуда куда пойдём, назад вернёмся?

– Нет, возвращаться не станем. На Новгород двинемся и раньше осени в Рарог не вернёмся.

Глава 2

Константинополь. Весна. 1148 от Р.Х.

Указание императора было получено, и патриарх Николай Музалон стал действовать. С венгерскими делами все было достаточно просто. Ведь византийская шпионская сеть, которая опиралась на проповедников ортодоксальной церкви, коих при дворе короля Гезы Второго и в свитах местной аристократии с каждым годом становилось все больше, оказывала помощь дипломатам императора. А они, в свою очередь, знали, что и кому сказать, и какие подарки поднести, дабы властитель Венгрии склонился к походу на Балканы, а не в ослабленную Священную Римскую империю.

Другое дело русские княжества. Киев был отделен от империи морем и проход по Днепру мог быть опасен, ибо часто перекрывался степными разбойниками-половцами и славянскими повольниками, которые сами себя называли бродники. По этой причине надежной связи с Русью никогда не было. Хотя империя, да и славяне, неоднократно пытались взять речные и морские пути под жесткий контроль. Но это удавалось не всегда и сейчас, когда патриарху требовалась точная информация о событиях на севере, ее не было. А та, что имелась, устарела, поскольку Лукоморская и Поднепровская орды половцев весь прошлый год находились в состоянии войны с ромеями. Правда, уже в этом, одна тысяча сто

сорок восьмом году от Рождества Христова, с ними было заключено перемирие. Однако сути это не меняло. Достоверной информации было мало и все, что патриарх точно знал, укладывалось на одном листочке папируса. Русские епископы желают отделения от Константинополя, и иначе как церковный сепаратизм назвать это было нельзя. Допустить раскол, значило утратить немалую часть доходов и растерять уважение. После чего примеру славян могли последовать другие дальние анклавы ортодоксальной церкви. Поэтому требовалось задавить великого князя Изяслава Мстиславича, поставить в Киеве своего митрополита и разогнать недовольных Константинополем епископов по глухим скитам. Вот только для этого нужна поддержка местных князей и священнослужителей, и наиболее влиятельным среди них был новгородский епископ Нифонт. Весьма уважаемая личность и, что немаловажно, сам русич, который, согласно последним известиям из Киева, был задержан великим князем в столице и томился в одном из монастырей. По этой причине, прежде чем собрать группу, которая должна отправиться на Русь, патриарх написал Нифонту официальное письмо:

«Со Святым Духом сыну и сослужебнику нашего смирения радоваться о Господе, доброму пастырю Христова стада словесных овец, господину епископу Великого Новгорода Нифонту.

Слышали мы, господин, о твоём праведном страдании во имя Бога от митрополита Климата, который взял Киевскую

митрополию своим соизволением и без нашего благословения, а ты, честный отче, запрещал ему сию великую дерзость, не хотел с ним служить, и не поминал его в своих молитвах. За это ты претерпел от него много зла и укоризны, словно святой. И ты страдал, и терпел ради Божьей правды от аспида Клима и его злых советников, и за это будешь отмечен Богом, брат, и причислен к прежним святым, поскольку пострадал за веру, как святители Русской земли, но всем показал образец своего терпения. Мир тебе, отче, и нашего смирения, страдалец Христов. Будь благословен во веки. Аминь».

Это было открытое послание, которое должно разойтись по всем землям славян и показать, что патриарх помнит о Нифонте, ценит епископа и поддерживает. А помимо того патриарх написал еще несколько тайных писем. Одно своему доброму знакомому, с которым он близко сошелся еще на Кипре, епископу полоцкому Козьме. Другое было адресовано галицким священнослужителям и князю Владимирко Володаревичу. Третье предназначалось суздальскому князю Юрию Долгорукому и его второй жене, ромейке по происхождению. А четвертое, Николай Музалон хотел отправить своему родственнику князю Святославу Ольговичу, чья мать, Феофания Музалон, являлась родной теткой нынешнего патриарха. Все люди, которым писал Николай Четвертый, были обязаны действовать заодно, и верховный священнослужитель Восточной Римской империи знал, что они по-

ступят по его совету, объединятся и вновь вернут русскую церковь под контроль Константинополя.

После этого пришел черед собирать посольство, на деле, шпионскую миссию, которой предстояло способствовать друзьям империи и вредить ее врагам, и это тоже было сделано быстро. Всего патриарх намеревался отправить на Русь полтора десятка священнослужителей в сане диакона и протопopa, а старшим над ними поставил пресвитера Исаака Комита, весьма преданного ему человека, на которого он мог положиться. Кроме того, по воле императора Мануила, в эту группу включалось девять гражданских чиновников, профессиональных разведчиков. Однако главным над шпионами предстояло стать военному, спафарию Андронику Врану, родному сыну знаменитого друнгария Димитрия Врана.

Вроде бы все. Люди готовы, указания даны и письма скреплены печатями. Однако отправка миссии задерживалась, а потом совершенно неожиданно к ней присоединилось еще несколько человек...

В Константинополь прибыло посольство от молодого германского короля, который искал поддержки императора Мануила. Но вместе с доверенными людьми Генриха Беренгара появился и полномочный посланец папы римского легат Гвидо Флорентийский, а так же несколько рыцарей из свиты провозглашенного после гибели святым Бернарда Клервоского. И пока германцы добивались аудиенции императора, легат и один из рыцарей-крестоносцев появились в соборе

Святой Софии, где находилась резиденция патриарха, и он их принял.

Николай Музалон встретил легата и сопровождавшего его воина неофициально. Патриарх расположился в своих личных покоях, за рабочим столом, и делал вид, что занят и читает доклад великого сакеллария, главного управляющего и казначея церкви. Однако когда перед ним предстали гости, то он спрятал документ в ящик стола.

Первым посетителем был легат Гвидо Флорентийский, низкорослый и полноватый цистерцианец в традиционном белом балахоне с капюшоном. Знакомая патриарху личность, хитрая и наглая сволочь, которую Николай недолюбливал, но воспринимал как умелого политика. А вот когда взгляд Музалона упал на второго гостя, то он невольно вздрогнул, и его душу захлестнула волна из нескольких противоречивых чувств: брезгливости, жалости, презрения и глубокого уважения. Почему так? Да потому, что это был уродливый калека. Среднего роста сгорбленный человек с ошметками волос на голове и многочисленными ожогами по всему лицу. Левая рука рыцаря была скрючена, и он сильно прихрамывал на правую ногу. А когда воин открыл рот, то патриарх увидел, что у него нет нескольких зубов. И все вместе это производило настолько неприятное впечатление, что Николай Музалон пожалел о своем решении принять папского легата и рыцаря прямо сейчас.

Впрочем, патриарх быстро собрался, успокоился и маши-

нально перекрестился. Он был готов к серьезному разговору и Гвидо Флорентийский это понял, а потому слегка поклонился, достал из-под балахона свернутую в трубку бумагу и, после взаимных приветствий, перешел к делу:

– Папа римской Евгений Третий шлет привет своему брату во Христе патриарху Николаю Музалону, и надеется, что в столь трудный для всех христиан момент, когда враги окружают нас со всех сторон, восточная церковь окажет помощь западной.

Сказав это, легат сделал шаг вперед и положил перед ро-меем перетянутое красной тесьмой послание духовного ли-дера всех католиков. После чего патриарх кивнул и спросил:

– И чего же именно желает наш брат во Христе Евгений? Может быть, воинов для сражений с неверными или наемников для возвращения в Рим, откуда безбожный еретик Ар-нольд Брешианский выгнал большую часть кардиналов? Так у нас нет собственных воинских отрядов, ибо мы мирные люди, такие, какими нам завещал быть Господь.

– Нет. Дело в северных язычниках.

– Хм! – патриарх нахмурился. – Венеды далеко от нас, мы не в состоянии воевать с ними, и у нас нет миссионеров, которые готовы отправиться в их земли и погибнуть, словно святые великомученики.

– Католический мир не просит бойцов, ибо понимает, что империя сама нуждается в них. Поэтому наместник Бога на земле, папа римский, желает иного. Во время Северной

войны язычникам помогали русские христиане. А поскольку мира с дьяволопоклонниками не будет, папа заинтересован в том, чтобы это не повторялось. При этом нам известно, что русские епископы стремятся отделиться от Константинополя, и Евгений Третий считает, что объединив наши усилия, обе христианские церкви достигнут нужного им результата, победы над злом. Как говорит древняя латинская пословица: «Помогая другу – помогаешь себе».

«Вот, значит, что у католиков на уме, – подумал Музалон. – Они хотят проникнуть на Русь и не просто так, а при моей поддержке. Это нам ненужно, ибо делиться своим влиянием на русских империя не намерена. Но если отказать Евгению, который желает отрезать проклятых венедов от богатого Новгорода, его люди все равно отправятся в путь, не по морю, так через Польшу. Однако я это уже контролировать не смогу. Так что, если меня просят о помощи, то отчего бы не помочь братьям по вере? Тем более что посольство в Киев уже собрано и спафарий Вран вместе с пресвитером Исааком присмотрят за католиками. Ну и, конечно же, они вычленят агентуру католиков в Киеве и других городах. Ведь не может ее не быть? Да, она есть. Значит, предложение папы можно принять».

– Это мудрая пословица, – Николай улыбнулся. – Но нам хотелось бы знать, чего именно будут добиваться католики на Руси.

– Для вас это не секрет, ваше святейшество, – легат слегка

улыбнулся. – Ведь это мы просим вас о помощи, а не вы нас. Поэтому все свои действия посланцы папы будут согласовывать с вашими священнослужителями.

– Хорошо. И сколько людей вы собираетесь отправить к славянам?

– Пять рыцарей и двух купцов средней руки.

– Так мало? – удивился патриарх.

– Все рыцари палadini, благословленные самим святым Бернардом из Клерво.

Патриарх вновь кивнул. Про избранных бойцов французского аббата, святость которого были готовы признать даже восточные христиане, знали все и, конечно же, он, Николай Музалон. Это были очень сильные воины, каждый из которых стоил десятка рыцарей. Однако после гибели Бернарда они стали опасны, ибо в них была только война, и палadini горели жаждой убийства. Ну и, кроме того, рыцари могли поведать миру о деяниях своего аббата, которые можно истолковать весьма вольно и превратно. Вот папа римский и решил отправить их подальше от себя. Но кидает рыцарей не в явное сражение, а на тайную битву. Справятся ли они с этим? Время покажет, а пока патриарх продолжил разговор:

– Когда купцы и палadini, – патриарх запнулся и продолжил: – святого Бернарда смогут отправиться в путь?

– В любой момент, ибо все они со мной.

– Так-так, а кто станет ими командовать?

Гвидо Флорентийский кинул косой взгляд на исковерканного войной и многочисленными сражениями калеку, рядом с собой, и тот отозвался:

– Воинами Господа буду командовать я, рыцарь Седрик фон Зальх.

Слова паладина, словно повисли в воздухе, и в них была Сила. Хотя нет, правильной будет сказать, отголосок той великой и неборимой Силы, которой обладал Бернард из Клерво. Сам патриарх ничем подобным похвастать не мог, ибо его не посещала Богородица, и потому в сердце ромея проскользнул страх, будто он олень, который замер перед готовым к прыжку львом. Но вида опытный имперский интриган не подал, а сохранил спокойствие и спросил рыцаря:

– Скажи мне, рыцарь, ты был рядом с Бернардом во время Северной войны?

– Да, отче, – паладин уважительно опустил голову, хотя патриарх понимал, что для таких людей даже папа римский не очень серьезный авторитет, и это всего лишь вежливая маска.

– И свои ужасные раны ты получил в землях венедов?

– Да. Все они оттуда. Штурмы городов и кровавые схватки в заснеженных лесах не прошли для меня даром, а последняя битва едва не лишила ноги. Но Бог не оставил меня и я выжил, сохранил немного сил и здоровья, значит готов служить Ему, как и прежде.

– Ты видел, как погиб Бернард из Клерво?

– Нет. Я потерял много крови и разум мой помутился. Поэтому я увидел только яркую вспышку на холме, где находилась ставка короля Конрада Третьего и святого Бернарда. Потом я потерял сознание и лишь спустя две недели узнал о гибели великого аббата, который один сражался против тысяч язычников и сотен колдунов, и пал наземь только после коварного удара в спину, коим его сразили дьяволопоклонники.

– А ты как спасся?

– Меня подобрали древане, которые служили королю и во время битвы находились в лесу. Они посчитали, что если выйдут на соединение с войском католиков сами по себе, то их объявят дезертирами и казнят, а если со мной, то на них прольется золотой дождь.

– И ты вознаградил их?

– Нет. Я беден, как и подобает Воину Господа.

– Что же, ты достойный человек и настоящий христианин, рыцарь Седрик фон Зальх. Ты отправишься на Русь вместе с моими посланцами. Произойдет это через два-три дня. Но перед этим ты поговоришь с главными людьми в посольстве, коим должен будешь повиноваться.

– Да, ваше святейшество.

Музалон посмотрел на Гвидо Флорентийского:

– Это все?

– Это было главным, а еще есть вопросы, которые касаются Святой земли и расширения вашего влияния на Венгрию.

Однако это мы можем обсудить один на один, без рыцаря.

– Пожалуй, вы правы, легат, – патриарх кивнул паладину и перекрестил его: – Ступай, воин, Бог с тобою.

Короткий и резкий поклон. Один из последних рыцарей Бернарда Клервоского развернулся и покинул кабинет патриарха...

* * *

Двери за спиной Седрика закрылись, и он оказался в длинном коридоре. После чего, прихрамывая, он медленно направился на выход, вышел во внутренний двор величественной Святой Софии и направился к воротам, которые охранялись не абы кем, а «варяжскими гвардейцами» императора. Почему так, Зальх не знал. Возможно, в главном соборе ортодоксов находилась особа императорской крови. Но ему это было и неважно. Просто он услышал, как пара варягов переговаривается на родном языке. Это был венединский. И Седрик за малым не выхватил из ножен меч и не накинудся на тех, кого привык считать своими кровными врагами.

Гвардейцы странное поведение латинского рыцаря-католика, который замер на месте, конечно же, заметили и моментально обступили Зальха со всех сторон. Закованные в превосходную броню, вооруженные топорами и мечами-спатами, варяги весело пересмеивались и речь варваров

била по ушам паладина, словно тревожный набат, который заставлял его сердце kloкотать от ненависти. Ярость стала заволакивать глаза Седрика, который постоянно винил себя, что не смог в трудную минуту придти на выручку своему покровителю и наставнику Бернарду Клервоскому, и в его голове промелькнула мысль:

«Будь, что будет. Ненавижу варваров! Убивать их надо! Смерть им!»

И кто знает, наверное, Зальх спровоцировал бы драку с наемными варягами, которые служили государю христиан за золото. Но рядом находились другие палadini, которые ожидали его и Гвидо Флорентийского, и один из них окликнул своего командира:

– Эй, Зальх!

Кровавая пелена в глазах рыцаря немного рассеялась и он, оскалившись, будто дикий зверь, подумал, что ему надо быть сдержанней, а затем, отпустив рукоять меча, решительно направился на другую сторону широкой улицы. Гвардейцы императора расступились и рассмеялись. Гогот здоровых мужчин, словно невидимое копьё ударил в спину Седрика. Однако он не обернулся, а спокойно подошел к своим товарищам и оглядел их.

Четверо. Не считая Зальха, это были последние избранные воины Бернарда из Клерво и, вглядываясь в лица истинных Воинов Господа, которые без остатка посвятили себя великому служению, Седрик вспоминал о том, как они соби-

рались вокруг него.

Первым в Бремене, где Зальх восстанавливал подорванное здоровье, появился рыцарь Лотар фон Винер, который отвозил письмо аббата Клерво в Сито. Затем прибыли два француза, которые находились на излечении в лагере возвращающихся на родину крестоносцев Людовика Седьмого, барон Роберт де Биот и рыцарь Карл де Флор. А последним объявился испанец Родриго Дуэрро, бывший разбойник и вор, который кровью врагов искупил все свои грехи, чудом уцелел в последнем сражении Северной войны и хотел отомстить за святого Бернарда.

Все эти паладины признали Седрика за главного и ждали его приказа. Для них Крестовый поход продолжался, и они были готовы зубами рвать ненавистных язычников. Однако Седрик не торопился. Он написал письмо легату Гвидо Флорентийскому и надеялся, что для него найдется какое-то понастоящему серьезное дело, и оно нашлось.

Папский легат вызвал паладинов в Хильдесхайм, и когда они предстали перед ним, он объявил им волю святого престола. Рыцарям предписывалось отправиться на Русь, осмотреться, обзавестись полезными связями и знакомствами, и взять на заметку тех, кто помогает венедам: купцов, князей, воинов, мастеров и даже простолюдинов. После чего готовиться к уничтожению этих людей, которые являются пособниками Сатаны. А позже было решено, что паладины поедут в дальние края не сами, а вместе с ромеями. Разуме-

ется, если ортодоксы пойдут навстречу католикам.

Этот приказ не понравился паладинам, которые не представляли себя в роли прознатчиков, а являлись ударной силой крестоносцев. Однако Гвидо Флорентийский их убедил, сказал, что это желание самого папы, поскольку каждый из них способен чувствовать врага на расстоянии, ведь с ними благословение самого Бернарда. Поэтому рыцари, скрипя сердцем и внутренне негодуя, согласились отправиться в земли диких русичей и сейчас находились в столице ромеев.

– Седрик, – командира паладинов вернул в реальность голос Дуэрро, – что патриарх сказал?

– Мы в деле, – ответил Зальх. – Через пару дней двинемся в путь вместе с посольством ромеев. Вовремя мы здесь появились, у ортодоксов проблемы с восточными славянами и у нас появились общие интересы. Значит, нам будет легче.

Рыцари примолкли, и молчание нарушил де Флор:

– И все же, не нравится мне это задание. Не для нас оно, чтобы там легат ни говорил.

– Ага! – вторил ему де Биот. – Что-то здесь нечисто. Но что, никак в толк взять не могу.

«Да просто все, – подумал Седрик, который в свое время покрутился при королевском дворе и немало времени провел рядом с аббатом Клерво. – Мы люди Бернарда и на все имеем особое мнение, прямое, четкое и открытое, которое может не совпадать с мнением папы. Следовательно, его па-

ладыны стали не нужны, и может быть, даже опасны. Вот нас и прогнали подальше с глаз, туда, где нет католиков. Вроде бы и при деле, а в то же время мы не сможем никому рассказать, насколько велик и могуч был Бернард из Клерво. Опасаются нас. Но против воли папы не пойдешь, моментально голову срубят, хоть мне, хоть моим товарищам. Однако когда-нибудь мы вернемся обратно и постараемся разобраться, в чем истинная подоплека происходящих вокруг нас событий. Конечно, если нас не перебьют. Вот только сделать это будет сложно, ибо благословение Бернарда все еще с нами».

Глава 3

Руян. Весна 6656 от С.М.З.Х.

На похороны Векомира я, конечно же, не попал. Ну, это и понятно – когда я появился в Арконе, то пепел его погребального костра уже остыл и был развеян свежим морским ветром, который так любил верховный жрец Святовиды. Однако на главные события успел. Волхвы начинали выборы нового верховного жреца, и претендентов было трое. Сотник витязей Доброга, знатный боец и Виславит, витязь и большой специалист по тайным операциям. Боян Бранко Ростич, который являлся правой рукой покойного Векомира и возглавлял его посольства. И волхв Ирьян Копылко, тяготеющий к техническим новинкам жрец столичного храма. Всех этих людей я знал еще со времен своего обучения в храме, и каждый из них был достоин занять место Векомира. Само собой, заменить старика невозможно, слишком серьезной фигурой он был. Но и жалеть о его уходе шибко не стоило, ибо жрец выполнил свое предназначение и теперь находился там, где всегда тепло, светло, сытно и радостно.

В общем, волхвы Святовиды на несколько дней заперлись в святилище, и пока они думали и рядили, кому следует взвалить на свои плечи тяжкую ношу Векомира, в город съехались почти все мало-мальски заметные люди Венедии. После чего великий князь Прибыслав, сгорбленный годами лютич,

который потерял на минувшей войне почти всех своих детей, решил собрать общий совет. Меня тоже пригласили и я, при полном параде, в мундире с погонями, на которых красовались золотые громовники, и мечом на боку, прибыл в здание ОБК, где на постоянной основе трудилось уже полсотни человек. Но в этот день здесь все замерло. Отдел по Борьбе с Крестоносцами уступил зал для совещаний великому князю и когда я оказался в просторном помещении, то огляделся и увидел вокруг себя тех, кого и ожидал.

Во главе стола находился сам Прибыслав. По левую руку от него князь поморян Рагдай, который вышел из битвы под Волегощем без единой царапины, хотя находился в самой гуще сражения от его начала до разгрома крестоносцев. Справа сидел одноногий Никлот, коему теперь предстояло заново обживать свое разграбленное княжество. Далее расположился худой, словно скелет, потерявший челюсть Мстислав Виславит, который не мог разговаривать и питался одними бульонами. А потом по кругу все остальные участники заседания. Сын Векомира и владетель Борнхольма варяг Идар. Мои зеландские соседи Вартислав и Громобой. Витязь Сивер из Щецина. Старый воевода Крут и верховная жрица Макоши прекрасная Зареслава. Хранитель храмовой казны волхв Яровита Войдан Лебедян, пара служителей других славянских богов и несколько наиболее авторитетных руянских вожаков. Короче говоря, чужаков не наблюдалось, можно было начинать, и я присел на свободное место. Затем по-

смотрел на Прибыслава, который о чем-то перешептывался с Рагдаем, расслабился и замер без движения.

Наконец, спустя пару минут, князья замолчали. Великий князь обвел собрание взглядом, обменялся кивками с Никлотом и Мстиславом, а потом заговорил, и речь его была исключительно по существу. Он, как и все мы, думал о будущем нашего государства. Поэтому успел обсудить самые главные вопросы с другими князьями, и перед большим общевенедским сходом, который собирался провести через пару месяцев, подвел некоторые итоги и обозначил основные проблемы, коих было очень даже немало. А все мы, должны были одобрить решения князей или наоборот, отвергнуть их. Поэтому можно было сказать, что мы тестовая группа, наблюдая за которой, выборные правители Венедии определяли реакцию представителей племен.

Итак, о некоторых проблемах Венедии и первоочередных вопросах.

Первое, некоторые горячие головы, особенно среди варягов, предлагали воспользоваться смутой в Священной Римской империи и расширить наши границы. Отбить Нордмарк, где до сих пор воевал с католиками самовластный князь Якса из Копаницы, и одновременно с этим забрать у германцев развалины Любека и Ольденбурга. Сил на это нам должно было хватить, если оголить опасные направления и напрячься. Благо, войско пока не распущено и германцам сейчас не до нас. Однако удержать эти территории мы не мог-

ли. Сейчас у венедов не хватало воинов даже для охраны границ и зачистки земель бодричей. Так что, какие уж тут завоевания? Отбились от крестоносцев и хвала богам. Теперь бы молодежь поднять и обучить, окрепнуть, восстановить численность дружин и крепости заново возвести. Поэтому решение находилось на поверхности. Следовало тревожить европейцев морскими набегами, обживать Зеландию и Борнхольм, отстраивать порушенные города бодричей и лютичей, а так же укреплять и расширять колонии и фактории на севере, в Финляндии и Швеции. Да засылать к противнику своих шпионов, которые должны сманивать к нам покоренных католиками славян. А раз так, то долой авантюры. Тем более, что в отличие от большинства присутствующих на совете людей, я знал о Винланде, куда тоже требовалось отправлять колонистов.

Второе, князь Мстислав Виславит хотел покинуть свой пост, ибо он ослабел и не мог водить дружину в поход. Да и делами племени заниматься был не в состоянии, поскольку его постоянно донимали головные боли и храбрый варяг лишился речи. Сделать это Мстислав собирался в самое ближайшее время, и попросил (написал на бумаге) поддержать на общеруянском сходе того, на кого он укажет. Правда, в своем выборе Мстислав пока не определился, но в целом никто против не был, и совет пообещал уважить героического князя. Вот только людей, которые могли бы занять его место, лично я, рядом не видел. Обмельчали Виславиты или в

боях полегли, а молодежь, на которую мы возлагали свои надежды, еще не выросла. Значит, передать власть над племенем ранов Мстислав мог лишь двоим: витязю Доброге, который находился в храме Святовиды, либо первопроходцу и колонизатору Будимиру. И если так, то неопределенность выбора становилась понятна. Не изберут Доброгу верховным жрецом, быть ему князем. А коли займет витязь кресло Векомира, тогда Мстислав станет ожидать возвращения Будимира, то-то он обрадуется, давно ведь об этом мечтал.

Третье, возник вопрос добычи. После разгрома крестоносцев ее было много и, по принятому перед войной закону, она принадлежала всем венедам, то есть передавалась в ведение великого князя. Однако если в ходе боевых действий это не вызывало никаких вопросов или споров, то сейчас многие вожди стали протягивать к дорогому оружию и ценным пленникам свои загребущие лапы. Кстати, среди них и меня помянули. Мол, авторитетный воин и витязь, герой и честный человек, но вот есть темное пятнышко на репутации. Вадим Сокол денежкой делиться не желает и, словно кугут, сидит в Рароге и думает только о себе. Озвучил этот упрек не Прибыслав и не князя, а уважаемый мной воевода Крут. Поэтому пришлось оправдываться, и я привел свои доводы. Добычу брал, признаю. Но только ту, что хапнул на вражеской земле. По этой причине она под закон не попадает. А в остальном действовал как все, хабар сдавал людям великого князя. Мои объяснения были приняты, и Прибыслав

подтвердил, что так и есть. После чего меня уже не трогали и обсуждали остальных хапуг, которым предстояло объяснить на сходе перед народом свои действия и поступки.

Вот такие дела обсуждались, и один вопрос сменялся другим. Нехватка продовольствия и голод в лагерях вынужденных переселенцев. Торговля с новгородцами, шведами, датчанами и финнами. Возможный оборонительный договор с вождями пруссов. Военные походы в Ла-Манш и дальше, в Ирландию и даже Испанию. Создание учебных лагерей для подростков и ежегодные сборы для племенного ополчения. Финансы и разработка полезных ископаемых. Желание кузнецов организовать в Гильдию Оружейников и так далее.

Однако меня все это волновать перестало. Серьезные мужчины с красными плащами на плечах просто тянули время, ведь на деле все уже решено, и меня эти заботы касались лишь краем, постольку поскольку. Что от меня потребуется, конечно же, сделаю. Но в политику мне лезть рано, ибо я не чувствовал себя готовым взвалить на хребет непомерный груз ответственности за сотни тысяч людей, и на данный момент меня более всего заботило предстоящее путешествие на Русь. Поэтому я сидел за столом, кивал и поддакивал, попивал вишневый взвар, а в перерывах общался с Идаром, Сивером, Войданом Лебедяном или волхвами.

Так прошел день, за ним другой и третий, а на утро четвертого ворота Святовидова храма распахнулись и все мы

узнали, что новым верховным жрецом избран сотник Доброга. Нельзя сказать, что я этому обрадовался, но и не огорчился. Доброга настоящий воин. Следовательно, культ Святовиды будет увеличивать численность своего Священного отряда, и в самом скором времени в Европу отправятся хорошо подготовленные убийцы. Для меня это понятно, точно так же как и то, что если бы место Векомира занял Ростич, то упор делался бы на дипломатию и интриги, а Копылко сосредоточился бы на технических новшествах. Но раз уж судьба или воля богов, которые подали волхвам свой знак, избрала Доброгу, так тому и быть.

К вечеру в Арконе, после благодарственных жертв богам и официальных мероприятий, начались празднества. С новым верховным жрецом поговорить удалось только мимоходом, и Доброга сообщил, что отныне храм не станет снабжать меня деньгами на поднаем черных клобуков и дружинников Берладника. Это было ожидаемо и, пожелав витязю удачи и разумения на новом посту, я занялся своими делами. Схватил за шиворот храмового летописца Звана Дубко, худощавого молодого человека, который при Векомуре заведовал библиотекой, и велел отвести меня в хранилище книг. Парень мог не подчиняться, да и в святилище меня могли не пропустить. Ведь я служу не Святовиду, а Яровиту, и Векомира, который меня поддерживал, больше нет. А здоровую конкуренцию между культурами никто пока не отменял, точно так же как и дисциплину. Однако все сложи-

лось неплохо. Зван мне повиновался и послушно направился в богатую храмовую библиотеку, самую большую, какая только была у венедов, а стражники Священного отряда пропустили меня за валы святилища, и даже не поинтересовались, куда и зачем мы идем. Разгильдяи, хоть и элита. Видать, расслабились, после того как крестоносцы отступили. Но с другой стороны я не чужак и они привыкли к тому, что Вадим Сокол ходит где угодно и когда пожелает. Опять же они такие же витязи, как и я, поэтому опасность или недобрые намерения посетителя могли почуять сразу.

Вскоре мы оказались в хранилище знаний, где пахло пылью, потрескавшейся старой кожей, сургучом, воском и, как ни странно, жареным луком. Зван Дубко подошел к широкому продолговатому столу и зажег толстую свечу. Ее желтоватый свет рассеял сумрак помещения, и я втянул в себя воздух. После чего летописец улыбнулся, достал из-под лавки прикрытый крышкой горшок из камня-жировика, присел и сказал:

– Мне с кухни свежего супчика принесли, а тут в город позвали. Думал, там погулять и перекусить, но ты меня отыскал. Есть будешь?

– Нет, – я покачал головой, обвел взглядом стены с полками, на которых лежали сотни свитков и книг, и сходу перешел к делу: – Что ты знаешь о тропе Трояна?

Честно говоря, на развернутый ответ я не рассчитывал, и на это были причины. Например, волхвы из Рарога, Орей

Рядко и другие, вообще про тропу никогда не слышали, но я списал это на их молодость и неопытность. Однако уже здесь, в Арконе, получить ответ на этот вопрос тоже не удалось. Войдан Лебемян, на что грамотный человек, лишь пожал плечами и сказал, что это нечто древнее, и он ничего толкового сказать не может. Да и другие волхвы, которые заседали вместе со мной в ОБК, промолчали. Так что если бы Зван развел руками, то я бы не удивился и, наверное, даже не расстроился. Вот только молодой парень, который почти всю свою сознательную жизнь провел в храме, в котором с детства занимался разбором книг и записями летописей, меня удивил. После чего я подумал, что Звана послала мне сама судьба.

– Про тропу Трояна я кое-что знаю, – ответил Зван. – Но, прежде всего, хотелось бы понять, почему такой человек как ты, Вадим, воин и вождь, интересуется этим.

Первым моим желанием, скрывать не стану, было промолчать. Ведь если про древний секрет знает ограниченный круг людей, то зачем мне с кем-то делиться информацией? Незачем, ибо это преимущество перед остальными. Однако Зван человек, жизнь которого посвящена сбору и анализу знаний. Он не думает о личной выгоде. Впрочем, как и другие служители славянских богов. Поэтому отмалчиваться не стоило. Опять же, если со мной что-то случится, о схроне Всеслава Брячиславича должен знать еще кто-то. Так пусть это будет летописец, который, в случае моей гибели, поделится

своими догадками с Добройгой или Ростичем. Глядишь, им это поможет или пригодится.

– Ты Василько Святославича помнишь? – помедлив, спросил я.

– Князя полоцкого? Конечно, помню.

– Так вот он открыл мне секрет своего предка, Всеслава-чародея, и есть думка, что я найду выход на тропу Трояна.

– Понятно, – Зван пригладил раскрытой ладонью взъерошенные волосы, и добавил: – Только тропа не одна. Это сеть невидимых дорог, которые опутывают весь наш мир.

– Так-так, – я присел напротив парня и поймал его взгляд. – Рассказывай, что знаешь.

– Давным-давно...

– Вот только давай без предисловий, – оборвал я его. – Четко и сухо, только факты.

– Но тогда рассказ будет коротким.

– Меня это устраивает.

– Как скажешь, Вадим, – парень шмыгнул носом и продолжил: – Когда наши предки пришли на Днепр, а затем двинулись в Европу, то они обладали знаниями великих пра-родителей. Но со временем многое было забыто и утеряно, и тропы Трояна, потомка самого Триглава, который пользовался ими с такой легкостью, словно это обычные дороги, тоже превратились в легенду. Некоторые бояны еще вспоминают их, но без понимания того, что это такое, и последним, кто выходил на призрачные тропы был Всеслав-чаро-

дей. Да и то, он использовал лишь пару тропинок и мог попасть на них только в обличье волка, наверное, так ему было легче.

– И что, правда, будто эти тропы позволяют перескакивать тысячи верст?

– Да, все так.

– А кто их создал?

– Имеется две басни о том, как они возникли. Одна гласит, что между мирами Яви и Нави находится прослойка, призрачное пространство, в котором обитают страшные чудовища. Они бесплотны в мире Яви, поскольку являются порождениями мира мертвых, и в этом пространстве у них есть свои особые пути, которые огибают всю нашу землю-матушку. И коли найти вход в это пространство, то по дорогам призраков можно быстро путешествовать. Конечно, если чудовища не съедят такого путника. А другая басня говорит примерно то же самое, только несколько иначе. Невидимые пути пронизывают весь мир Яви, словно вены на теле человека. Но они были созданы нашими богами, дабы экономить силы и быстро перемещаться с места на место. И после того как великие предки покинули нас, там поселились порождения тьмы, которые не дают ведунам свободно разгуливать по этим дорогам. Вот и позабыли про них, а Всеслав секрет от полоцких волхвов узнал.

– Ясно. Описания путешествий по чудесным тропам имеются?

– В старых книгах кое-что расписано.

– Прямо сейчас еще что-то рассказать можешь?

– Пожалуй, что смогу. В одном старом свитке сказано, что ведун Борей ступил на зыбкую тропу, вокруг которой был густой туман, где прятались чудовища. Затем они напали на него, но он отбился, а затем прошел сотню шагов, свернул на другую тропу, вышел из нее в реальный мир и оказался в стране, где живут невысокие люди с узкими глазами. Потом он дождался часа, когда вход на тропу открылся вновь, и без опаски вернулся домой.

– Его дом остров Руян?

– Не знаю. В свитке ничего такого не было.

– Это все?

– Нет. Еще есть много подобных описаний. Но сразу все не упомнишь, надо выписки делать.

– И ты сделаешь для меня такой список?

– Конечно, ведь это не тайна, а ты не чужак.

– И когда он будет готов?

– Коли прямо сейчас начать, то к утру работу сделаю.

– Сделай, Зван, – я хлопнул летописца по плечу, – и за мной не заржавеет. Я добро ценить умею и тех, кто мне помогал, никогда не забывал.

– Разве дело в награде, – парень поднялся и направился к стеллажам. – Главное, на мой взгляд, людям помогать. Опять же Векомир тебя сильно ценил и уважал, а он мне, словно второй отец.

– Да, хороший человек был, – согласился я с парнем и спросил его: – Может, тебе помочь?

– Нет. Не надо. Сам я быстрее все сделаю. Утром труд окончу, а потом что? Куда тебе список занести?

– Я сам подойду.

– Ну, как знаешь, Вадим.

Летописец зарылся в пыльные свитки и книги, а я решил ему не мешать и вернулся в город, где гуляли воины дружины.

Ночь прошла легко. Я веселился и ни о чем плохом не думал, а на рассвете, еще слегка хмельной и не выспавшийся, находился перед храмом, вызвал Дубка и получил пятнадцать исписанных мелким убористым почерком листов с описаниями троп Трояна. В общем, самые обычные кусочки информации, сложив которые, тем не менее, можно составить какую-то систему координат и для своего личного пользования написать инструкцию по безопасности. Но это все ожидало меня несколько позже, когда выйдем в море, а пока имелось еще одно дело.

Воины, которые сопровождали меня в Аркону, стянулись к городским воротам. Здесь нас уже ожидали лошади, и мы помчались в Чарушу, где находился мой дом на острове Ружан. Добрались до места быстро. Драккары были готовы к отплытию, и я решил не медлить. Выходим в море. И пока пруссы, варяги и дружинники Берладника грузили на корабли бочонки с водой и продовольствие, командир варогов, ры-

жий Торарин Мох построил своих бойцов во дворе терема.

Я замер перед ними и, глядя в глаза юношей, этнических датчан, многие из которых успели повоевать, знал, что для них Вадим Сокол не просто вождь, а пример для подражания и духовный лидер. Так их воспитали волхвы и старые воины. Поэтому каждый варог считает себя славянином, бог этих молодых волков Яровит, а мое слово для них непреложный закон. Бывает, порой, я чувствую себя виноватым, что с моей подачи психика этих мальчишек была исковеркана. Однако потом я вспоминаю разоренные крестоносцами города и сожженные поселения, и все проходит. Ведь если бы датских парней не взял под свою руку я, то они воевали бы на другой стороне, и шли в бой с именем Христа на устах, и убивали бы всякого, кто против креста на своей шее и душе. Так что пусть они режут наших врагов, а не наших жен и детей. Здесь все просто.

– Вождь, – передо мной остановился Торарин, – отряд варогов в количестве четырех десятков построен.

– Хорошо, – бросил я ему и, еще раз пробежав взглядом по славянским янычарам, спросил: – Парней отобрал?

– Да.

– Сколько?

– Девять человек, как ты приказал. Самых сообразительных выбрал.

– Веди их в дом. Остальных на корабли. Пусть помогут с погрузкой.

– Понял.

Поворот. Я вошел в терем, где слуги уже накрыли на стол. Дело к обеду, но это потом. Пока беседа с моими будущими разведчиками.

Вароги встали полукругом вокруг стола, а Торарин расположился рядом. Это знак его близости ко мне и оказанного доверия, и молодежь все понимает правильно. Взгляды варогов направлены на меня. Они еще не знают, для чего Торарин их выделил, а потому волнуются и дабы не нагнетать обстановку я начал:

– Ваш командир, – кивок на Торарина, – заверил меня, что в своем отряде вы лучшие, и я ему верю. Поэтому буду вести разговор открыто. Через несколько недель мы окажемся в землях русских князей и нам, венедам, нужны рядом с ними свои глаза и уши. Время в запасе имеется, все рассчитано на долгий срок и вам, мои вароги, предстоит стать шпионами. Легенда нехитрая. Все вы сироты из дальних княжеств и глухих лесных поселений, про которые никто не знает. Родители ваши погибли во время междоусобицы князей, а вы бродите по белу свету в поисках лучшей доли. Каждый отправится в один из русских городов и у вас будет серебро и оружие. Однако все это вы спрячете в лесах и начнете свое восхождение с самых низов. Кем вам быть и к чему стремиться – решайте сами. Однако цель у всех одна – пробиться в окружение местных властителей и, по возможности, добиться их расположения. Драться вы умеете, выживать на-

учились, а некоторые даже первую вражескую кровь взяли. Значит, люди взрослые и отвечаете за себя сами. Но подробней об этом поговорим в море. Кое-чему я вас дополнительно научу, и от меня же вы получите выход на людей, которым можно доверять. Вопросы?

Тишина накрыла горницу, но вот вперед выступил один из варогов, рослый светловолосый крепыш, новое имя которого, если я не ошибаюсь, звучало как Куница.

– Вождь, – он отвесил мне легкий уважительный поклон, – мы еще вернемся назад, в Рарог?

– Да. Однако случится это не скоро.

– А где нам предстоит начать новую жизнь?

– А для чего ты этим интересуешься?

– Чтобы знать, где можно встретить своих братьев, дабы это не оказалось неожиданностью.

– Резонно. Города будут следующие: Новгород. Псков, Полоцк, Суздаль, Смоленск, Чернигов, Киев, Переяславль и Галич. Вы первые мои посланцы на Русь и за вами последуют другие.

Молчание. Парень отступил, и я взмахнул правой ладонью в сторону выхода. Вароги покинули меня, а Торарин спросил:

– Ты доволен, вождь?

– Пока да, а потом посмотрим, что из варогов выйдет. Но, думается мне, что они справятся. Не зря же мы на них столько времени и сил потратили.

Глава 4

Новгород. Лето 6656 от С.М.З.Х.

– Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня; яко беззаконие мое я знаю, грех мой предо мною есть...

Громкий и хорошо поставленный голос священнослужителя христианской церкви, здорового чернобородого мужика, на котором пахать можно, разносился под высокими сводами Софийского собора, отражался от них и возвращался вниз, к прихожанам. Верующие, которых на службе было немало, в основном женщины и старухи, повторяли вслед за попом слова пятидесятого псалма и крестились, а я, язычник и витязь Яровита, венецкий воевода Вадим Сокол, стоял за их спинами, и не чувствовал ничего. Не было ни почтения, ни страха, ни злости, ни тем более ненависти, жалости или сожаления. Я ощущал себя туристом из дальних земель, который наблюдает за неведомым ему обрядом, рассматривает красивые фрески, вдыхает аромат ладана и думает о чем-то своем.

Тем временем священник продолжал чтение псалма, и люди стали на меня коситься. Ведь я не осеняю себя крестным знаменем. Поэтому, дабы не мешать им и не привлекать к себе внимание, я отошел в сторону, встал подле сте-

ны, и передо мной оказалось изображение Христа. Древний пророк, как обычно, был нарисован скорбящим и печальным человеком, который взирал на мир грустными глазами жертвы и одним своим видом нагонял на тоску. Я уныния не люблю и для меня это картина неприглядная, но для прихожан именно то, что им нужно. Почти все они несут в храм свои проблемы и беды, горести, болезни и боль утраты. Христиане ищут поддержки и утешения, и они не поймут, если Христос, которого Богом объявили люди, но не он сам, будет улыбаться, смеяться и веселиться. Нет, такой Бог у рабов, обделенных, униженных и оскорбленных, понимания не найдет. Вот и изображают его по жизни обиженным, дабы у пастыри складывалось впечатление, что не они одни страдалцы.

Впрочем, это всего лишь мое личное мнение, и в главном новгородском соборе я не для того, чтобы разбираться в психологии религиозного христианского культа. Причина связана с тропами Трояна и, закрыв глаза, я вновь, может быть, в пятый или шестой раз, попробовал нащупать вход на чародейскую дорогу. Почему здесь? Да потому, что каждый вход на тропы между мирами это точка Силы, и большинство серьезных храмов, как правило, ставятся именно в таких местах. Об этом было сказано в списке, который составил Зван Дубко, и там же было указано, что одна из точек находится в Новгороде под алтарем в Софийском соборе. Вот я и заявился на службу, тем более что пара часов в запасе имелась. Однако ничего странного или необычного

почуять не удалось, то ли у меня таланта не хватает, то ли момент выбран неудачно, то ли выписка из древней книги лжет или она неполная. А коли так, то мне здесь делать больше нечего.

Я развернулся к выходу и направился на улицу. Пастырь заканчивал псалом и, невольно, я вслушался в его слова:

– Господи, ублажи благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимские. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая; тогда возложат на алтарь Твой тельцы.

«Да уж, – покидая храм, подумал я, – тельцы. Вот так всегда, молятся за Сион и Иерусалим, а оно нам надо? Нет. Лучше бы за свою родину думали, а не за чужаков. Глядишь, жили бы чуточку получше. Но что есть, то есть, а через пару десятилетий, или раньше, все может резко измениться. Если получится, трансформируем религиозный культ в нечто удобоваримое и будут прихожане славить не Сион, а Руюн и Русь, и стены поминать не Иерусалимские, которые нам и даром не нужны, а Арконские и Киевские. Вот это было бы интересно».

Голос попа смолк, а я оказался на широкой новгородской улице. С боков пристроились телохранители, и мы двинулись к реке. Людей вокруг немного, город изрядно опустел, и почему так, мне понятно. Князь Святополк Мстиславич во главе новгородского войска и собственной дружины выступил на Суздаль, воевать с Гюрги. Епископ Нифонт и со-

провожающие его лица сидят в Киеве, то ли как заложники, то ли как пленники. Местные бояре в своих поместьях, ведь начинается весенний сев. Рыбаки на озерах и реках. Купцы в море, а ушкуйники ушли на Руян и в Швецию. Поэтому так мало вокруг горожан. Однако это просто отметка в памяти и, продолжая движение, я вспоминаю события последних нескольких недель, раскладываю по полочкам информацию о тропах Трояна и планирую свои следующие шаги.

Итак, моя небольшая эскадра покинула Руян, и драккары направились в сторону новгородских земель. Все это время я занимался с варогами, которым давал основы разведывательной деятельности и шпионажа, присматривался к этим парням и изъяна в них не видел. Учебный материал молодые воины схватывали на лету, и если поначалу я думал, что внедриться в русское общество и обжиться смогут лишь пять-шесть человек, когда корабли вошли в Котлин-озеро, во мне появилась уверенность в каждом будущем разведчике.

Затем, когда началась проводка драккаров в Ладожское озеро, я расстался с Хеме. Им предстояло навестить родину и до осени завербовать на мою службу сотню бойцов, а заодно и свои семьи, у кого они имеются, в Рарог забрать. Потом была Ладога и встреча с купцами Соколами, которым в моем плане отводилась роль связных с разведчиками. А после мы пришли в Новгород, и здесь я выпустил на волю первых трех варогов: будущего новгородца, псковича и суздальца. Летите

воины – весь мир перед вами!

Разведчики растворились в городе, и с этого начался их путь, а я дал отдых дружине. После чего оставил на княжьем дворе письмо для Святополка Мстиславича от его сестры Мальмфриды, еще раз перечитал записки Звана, посетил Софийский собор и теперь собирался покинуть славный Новгород. Далее переход через Ильмень и движение по Ловати, а затем драккары волоком перетянут к Днепру. И пока мои дружинники будут перебираться с одной реки на другую, вместе с десятком наиболее преданных воинов я успею инкогнито посетить Полоцкое княжество и деревеньку Волчья Тропа, о которой рассказывал князь Василько. Добраться до объекта несложно и подобраться к схрону, думаю, тоже проблема невеликая. Однако смогу ли я использовать наследие Всеслава-чародея? Это до сих оставалось загадкой. Информация есть, но она очень противоречива и разрозненна. И сколько я ни пытался в ней разобраться, докопаться до истины не получилось и посоветоваться, что плохо, не с кем. Конечно, кое-что в голове сложилось, но я могу ошибаться, и тут вырисовывается пара вариантов.

Первый, если по тропе Трояна, действительно, гуляют чудовища, необходимо оружие, которое сможет их убивать, и я в очередной раз пожалел, что исчез Змиулан – этот клинок, наверняка, смог бы поразить любую тварь из мира Нави. Однако заключенный в булат демон исчез, и подобного меча у меня нет. Правда, если поискать, то в хранилищах волх-

вов можно найти нечто серьезное, но на это придется потратить время, которое дорого. А без достойного оружия со- ваться на призрачную тропу нет никакого смысла, ибо это будет самоубийством чистой воды или же игрой со смертью с небольшими шансами на выигрыш. Ведь тогда становится понятным, почему Всеслав-чародей бегал по Трояновым пу- тям в обличье волка, который чует опасность острее челове- ка и обладает большей маневренностью.

Впрочем, это только один из вариантов, и есть другой.

Вариант номер два базируется на том, что в некоторых ле- тописях сказано, будто на тропе Трояна самый главный враг путешественника он сам. Так как нет никаких потусторон- них тварей, а есть лишь страхи человека, которые испыты- вают крепость его духа, поскольку только достойный имеет право прохода. Это, конечно же, многое меняет и получает- ся, что если не бояться и не сомневаться в собственных си- лах, ничего страшного не произойдет. А коли слаб человек, то и это не большая беда. Транквилизаторы принял и впе- ред, в поход. И хотя никаких седативных препаратов пока не изобретено, и нет таких таблеток как афобазол или ата- ракс, которые успокаивают человека, существуют дурман- ные настойки и, в самом крайнем случае, можно их исполь- зовать.

Такие вот дела. И если быть кратким, где правда, а что яв- ляется вымыслом, разобраться не удастся. Вот и хожу, думаю и гадаю, что ожидает меня на чудесном пути, природа кото-

рого неизвестна. И чем больше ломаю себе голову, тем больше понимаю, что ответ можно получить лишь на месте...

Когда до речных причалов оставалось всего ничего, я прошел мимо очередной церквушки, которых в городе, благодаря стараниям епископа Нифонта и его предшественников, хватало. Рядом с ней стоял батюшка, худой старец в латаной рясе, не чета тому мордовороту, который в соборе псалом читал, и о чем-то разговаривал с двумя женщинами.

В общем-то, обычное дело и я обратил на них внимание лишь краем глаза. Однако мысли снова перескочили на церковь. Бывает так, что одно цепляет другое, и мне вспомнилось далекое прошлое, когда я, молодой старлей, бегал по горам Кавказа. Время было смутное, и впечатлений имелась масса, как хороших, так и самых паршивых, и тогда на моем жизненном пути часто встречались очень интересные люди. И одним из них был командир разведроты майор Калмыков, который увлекался историей мировых религий, хобби он имел такое, и когда речь, хотя бы краем, задевала какой-то культ, офицер всегда вставлял поучительный рассказ или делал краткий экскурс в историю. Слушать его было интересно и занимательно, поэтому многое запомнилось. И сейчас, когда одной из основных своих целей я вижу увод русского христианства в сторону от Константинополя, многое всплывает в памяти. После чего я спрашиваю себя, а можно ли трансформировать веру сотен тысяч людей и тысяч священнослужителей в нечто новое? И ответ приходит моменталь-

но. Да, это возможно и вполне реально.

Ведь что есть христианство, которое я вижу сейчас? Культ, который за минувшие одиннадцать столетий мутировал, трансформировался и постоянно видоизменялся. От него постоянно откалываются секты и образуются ответвления, и если ересиархи способны вкручивать людям мозги, то и я сумею. Тем более наработки из будущего имеются, и опыт с варогами показал, что при желании из врага всегда можно сделать друга или, как минимум, твердого нейтрала.

Кстати, о сектах. Это был конек Калмыкова, и в голове сразу всплывают краткие характеристики на некоторые группы. Валезиане – добровольные кастраты, которые свято верили, что лишь тот, кто оскопит себя, имеет право вкушать мясо, ибо поборол плотский грех. Геры (пришельцы) – христиане русского происхождения, которые старались копировать иудаизм, поскольку сам Иисус был иудеем. Каиниты – уважающие Каина и Иуду христиане. Стригольники – аскеты и борцы с богатством церкви. Хлыстовцы и мельхиседеки, молокане и аввакумовцы, демониаки и трибожники, тропарщики и ариане, нетовцы и беспоповцы, павликиане и богумилы, поморцы, несториане и многие другие. Почти все они имели шанс стать официальной религией, просто им не повезло и эти движения не получили серьезной поддержки во властных структурах, а так, кто знает, при удаче они могли победить и стать главенствующим культом.

А вспомнил я о них потому, что predeterminedности

нет, и коли видоизменять русское христианство, обязательно нужно вспомнить секту кугу-сорта, культ Зеленого Христа, ответвление Христа-Велеса и манихеев. Почему именно их? Хм! Потому, что это пример для меня, как можно создать химеру. Кугу-сорта, например, была распространена среди крещеных черемисов, которые очень интересно смешали родное язычество и христианство. Культ Зеленого Христа образовался от слияния кельтских друидов и христиан. Движение Христа-Велеса от сотрудничества славянских волхвов и попов. А манихейство это смесь с зороастризмом. И отсюда мысль, что при удаче, желании и наличии долговременной программы, можно все так развернуть, как нам, венедам, будет нужно. Попотеть для этого, правда, придется. Но я к этому готов, ведь нынешнее христианство та же самая секта, только победившая. Так что дело начну, и толчок дам, а дальше меня волхвы поддержат. Особенно Берест-двоевер, сам в прошлом священнослужитель христианского культа.

Конечно, можно все сделать проще. Всех кто против, без разбора к ногтю, под нож или на костер, как это крестоносцы делают. Но это даст лишь кратковременный эффект, и тут надо брать пример с ромеев. Они больше сотни лет готовились свалить родных богов славянских племен и, когда настал срок, сделали свое черное дело. Вот и мы поступим так же, извратим чужое учение, а затем возьмем реванш. А если не получится, придется нам со своими братьями по крови резаться и лить кровь друг друга лишь потому,

что одни помнят старых богов, а другие их забыли. Это расклад паршивый и мне он не нравится, а значит надо постараться и добиться поставленных целей...

За размышлениями я совершенно незаметно добрался до причалов, возле которых находились мои корабли. Поято Ратмирович и Берладник доложили, что дружинники на месте, происшествий не случилось, и опоздавших нет. Задерживаться причин не было, и я дал отмашку. Отчаливаем и выходим в озеро Ильмень. Прощай Господин Великий Новгород. Глядишь, еще свидимся.

* * *

Киев. Лето 1148 от Р.Х.

Седрик фон Зальх стоял на одном из холмов города Киева, оглядывал столицу русских и находился в легком недоумении. Как это возможно, что восточные схизматики и дикари смогли отстроить такой город? Это было немыслимо. Но многолюдный город находился перед его глазами, и рыцарь подмечал все: широкие и чистые улицы, прекрасные церкви и соборы с позолоченными куполами, высокие терема в несколько этажей, причалы и склады на берегу Днепра, прочные стены, большие мастерские и огромный торг, где можно встретить купцов со всех краев изведенного мира. Поэтому волей-неволей ему приходилось соглашаться с тем фактом, что он и его воины попали в цивилизованное госу-

дарство, и от этого рыцарю становилось не по себе. А когда он видел, что горожане купаются по два раза на дню и предпочитают носить чистую одежду, то рыцарь сравнивал русских с жителями Бремена или какого-нибудь другого европейского города. После чего приходил к выводу, что варвары все-таки они, а не славяне.

Впрочем, подобные мысли посещали Зальха уже не в первый раз. Об этом он неоднократно думал на войне, когда крестоносцы брали очередной венецианский город. Но тогда рядом с ним находился святой Бернгард, и все посторонние размышления смывались кровью и страданиями врагов. А теперь паладин стал разведчиком в стане потенциального противника, и должен был поменять образ своего мышления. Он это прекрасно понимал и старался измениться. Однако пока получалось это у него не очень хорошо. Злоба и презрение к жителям Киева, которые так похожи на венецианцев, постоянно прорывалась из его души наружу, и это мешало ему здраво рассуждать. Но паладин не сдавался. Он продолжал внутреннюю борьбу, много общался с ромеями-переводчиками, спафарием Андроником и пресвитером Исааком, понемногу учил местный язык, который давался ему на удивление легко, и старался понять своих врагов...

Позади себя Зальх услышал чьи-то шаги и обернулся. К нему приближался одетый, как и все паладины, в ромейскую одежду, стремительный и вечно настороженный рыжеволосый статный красавец Лотар фон Винер, который

был полной противоположностью своего командира. Седрик молчал и его земляк, остановившись рядом, кивнул на город, который освещался лучами заходящего летнего солнца, а затем сказал:

– Красивая столица у русских.

– Да, – Зальх едва кивнул головой.

– Жаль только, что здесь схизматики живут. – Винер искоса посмотрел на Зальха и добавил. – Но это ничего. Придет наш час, и мы обратим этих темных людишек в истинную веру или уничтожим их.

– Это будет не при нашей жизни, – произнес Седрик.

– Согласен, – рыцарь улыбнулся краешком губ, проводил долгим взглядом молодую красивую киевлянку, которая прошла по улице мимо латинян, вновь стал серьезным и спросил Зальха: – Что дальше, командир?

– Нас ожидает Новгород, Лотар. Ромеи со дня на день дождут местного царька Изяслава, и он выпустит на свободу епископа Нифонта и его людей. Вот с ними-то мы и отправимся на север, где займемся настоящим делом.

Винер замолчал и тяжело вздохнул:

– Как же мне не хватает святого Бернарда. Он погиб, и без его мудрости, уверенности и понимания, из моей души словно вынули важный кусочек. Теперь там пустота, и она не может быть ничем заполнена. Нет радости и нет света, и вера моя заметно пошатнулась. Ведь Бернард должен был победить. Однако темные силы оказались сильнее. Как так, Сед-

рик? За что Господь забирает лучших из нас, а грешники, язычники, сатанисты и схизматики бродят по земле, дышат воздухом, едят, спят и размножаются? Ответь мне, брат-рыцарь.

Зальх чувствовал то же самое, что и Винер. Но он был командиром и не мог показать свою слабость. Поэтому ответил сдержанно и без эмоций:

– Господь велик в мудрости своей, Лотар. Он постоянно испытывает нас, а значит смерть великого человека и подвижника, это очередное испытание нашей верности. Наверняка, Бернард сейчас подле Господа и наблюдает за нами, и он гордится своими паладинами, которые являют миру пример стойкости и покоряются воле папского престола. Смирение – вот одна из главных добродетелей настоящего Воина Господа, и мы идем по тому пути, который нам уготован.

– Ты, конечно, прав, Седрик. Но все же мне не по себе.

– Всем нам тяжело, брат, – Зальх положил ладонь на плечо Винера и кивнул в сторону постоялого двора, где паладины остановились вместе с ромеями. – Идем.

Лотар фон Винер мотнул головой, и два паладина направились вниз по улице...

Вечер прошел как обычно. Паладины были немногословны, поужинали, помолились и отправились на покой, в свои комнаты на втором этаже постоялого двора, который принадлежал одному из греческих купцов и являлся штаб-квар-

тирой ромейской разведки в Киеве. Рыцари ушли, а Седрик немного задержался и пообщался с пресвитером Исааком, который подтвердил, что вскоре великий князь Изяслав выпустит епископа Нифонта. А потом он поднялся наверх, вошел в узкую одноместную каморку, зажег свечу и разделся. Затем паладин повесил на стену подаренное ему папским легатом медное распятие и опустил перед ним на колени. После чего сложил на уровне груди ладони и привычно зашептал молитву:

– Огради меня, Господи, силою животворящего креста Твоего и сохрани меня в эту ночь от всякого зла. В руки Твои, Господи, Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой. Ты же благослови меня и помилуй и жизнь вечную даруй мне. Аминь.

Все как обычно. Слова молитвы перед сном прозвучали, и Зальх хотел подняться. Однако в этот момент он почувствовал, как остатки волос на его обожженной голове, эти жалкие клочки, начинают шевелиться, а внутри него, в районе солнечного сплетения, образуется тяжелый комок, который не дает ему встать. Все мышцы тела свела судорога, и ладони прилипли друг к другу. А взгляд был направлен на крест, и отвести его в сторону было невозможно.

«Господи, что со мной!» – мысленно воскликнул рыцарь и дернулся, вот только ноги, как и все тело, не слушались его, а затем произошло чудо.

Деревянная стена расплылась перед взором паладина, и в

ней образовался круг, размером с человеческую голову. Это пространство оказалось заполнено непонятным вязким туманом и вскоре стало обретать черты лица. Миг. Другой. И Зальх узнал того, кто предстал перед ним.

– Учитель, ты не покинул нас, – вытолкнуло из себя пересохшее горло Седрика, который увидел перед собой Бернарда из Клерво.

Лицо умершего аббата было таким, каким рыцарь его запомнил, задумчивым и сосредоточенным. А когда Зальх хотел спросить посланца высших сил (никем иным призрак быть не мог), что он может сделать для торжества истинной веры, как Бернард сказал:

– Зальх, ты не выполнил свое предназначение и потому я здесь.

Губы Бернарда пошевелились, но голоса рыцарь не услышал – он прозвучал в его голове, и Седрик воскликнул:

– Что я не сделал, учитель? Скажи мне. Молю тебя! Ответь!

– Ты не убил богомерзкого ведуна Вадима Сокола, и это послужило причиной моей гибели. Значит, ты причастен к этому, Седрик.

– Прости меня, учитель! – на глаза паладина навернулись крупные слезы. – Я не смог...

– Молчи и слушай меня, фон Зальх, – призрак оборвал оправдания Седрика и рыцарь, сомкнув губы, поклонился вестнику Господа, а Бернард продолжил: – Времени мало.

Мне трудно находиться в реальном мире, который погряз во грехах и ждет Страшного Суда, а потому запоминай с одного раза. Вскоре этот колдун окажется в Киеве и вам, моим паладинам, необходимо отыскать его и уничтожить. Любой ценой. Но не вздумайте кидаться в драку сразу. Выждите удобный момент, найдите слабое место проклятого язычника, обретите союзников и нанесите свой смертоносный удар. Такова воля Господа, Зальх, и если ты оплошаешь, то гореть тебе в геенне огненной.

– Я все понял, учитель.

Хлоп! Рыцарь моргнул и обнаружил, что стена вновь стала прежней. Деревянная поверхность и на ней распятие. Никаких признаков тумана и ничего необычного. И только горячие слезы раскаяния, которые текли по горелым щекам Зальха, были свидетельством того, что видение ему не померещилось, и он снова разговаривал со святым Бернардом.

Глава 5

Полоцкое княжество. Лето 6656 от С.М.З.Х.

Я посмотрел на Хорояра Вепря, одного из варягов охранного десятка, который возглавил моих телохранителей вместо оставшегося в Рароге вагра Немого. Он бесшумно вынырнул из темноты, остановился рядом и я спросил его:

– Что в деревне?

– Тихо, – ответил воин. – Нас никто не видел, и суеты никакой нет.

– Хорошо. Ждем дозорного от дороги и, если там чисто, выходим.

Варяг кивнул и отошел в сторону, к своим подчиненным, а я вновь прилег на конскую попону и прикрыл глаза.

Ночь. До рассвета еще примерно час. Слева от нашей тихой и неприметной лесной стоянки Западная Двина, которая несет свои воды в Венедское море, и деревушка Волчья тропа, небольшое поселение с полусотней жителей. Справа покрытое лесом болото, в глубине которого находится схрон Всеслава Брючиславича и его тайное капище. А позади тракт и город Полоцк, где сидит зять киевского правителя Изяслава Мстиславича князь Рогволд Борисович, не сын покойного Василька Святославича, а представитель другой ветки полоцких Рюриковичей.

Вокруг тишина и все спокойно, даже птицы не поют, что

весьма необычно. Но меня это не пугает, а раз так, то с первыми солнечными лучами, которые упадут на землю, моя группа начнет движение и я уверен, что серьезных проблем не возникнет. Ведь наше путешествие по землям кривичей (крывычей) было легким и, можно даже сказать, что приятным, а это добрый знак. Дорога сама стелилась под копыта лошадей, и нами никто особо не интересовался. Ну, едут воины, по виду наемники, каких сейчас на Руси много, не шалят, оружием не бряцают, никого не грабят и дорожные сборы платят исправно. Вот и ладно. Правда, в Витебске (местное самоназвание Вицебск), городской наместник настойчиво пригласил нас в гости. Ради этого пришлось немного изменить маршрут и перебираться на левый берег Двины, при этом варяги были готовы к драке, мало ли что. Однако все обошлось. Наместник предложил остаться у него на службе, но я с ним пообщался и сказал, что мы хотим встать под руку князя Рогволда, а значит должны ехать дальше, в Полоцк, и его такой ответ удовлетворил.

После встречи с хозяином Витебска мы продолжили свое путешествие вниз по течению реки. Благо, вдоль берегов проложены дороги и стоит немало деревень. Поэтому лошадей мы не утомляли, и я мог вблизи посмотреть, как и чем живут местные жители, которые мне понравились. А объяснялась моя симпатия тем, что в большинстве своем потомки кривичей спокойные и уравновешенные люди, до сих пор язычники. Они почитают священные дубы Волаты и намо-

ленные чародейские камни Дзеды, делают подношения лесным девам-дзяучонкам, держат в домах змей-живойтов, уважают волхвов-святаров, коих я не видел, но постоянно чувствовал, и стараются жить в мире с природой. И она, наша мать, им помогает. А полоцкие священнослужители с этим двоеверием мирятся, ибо болот вокруг и глухих лесов много, и немало последователей Христа сгнуло в топях без всякого следа. Вот и выходит, что срабатывает принцип отбора. Кто крестом трясет, и проповеди гневные произносит, тот долго не живет, ибо с ним происходит несчастный случай. А люди понимающие сидят в храмах и занимаются своими делами, отпевают умерших, говорят о добре, учат детей и этого им хватает.

Наконец, мой небольшой отряд, обойдя Полоцк, вышел на место и теперь находится между болотами и рекой. Варяги готовы пойти за мной куда угодно, хоть в пекло, хоть в болото. Настроение у всех бодрое, и я не исключение. Подремал, перекусил и готов к подвигу. Дурных предчувствий нет, хотя пару раз я пожалел, что не взял с собой сапсанов, которые могли оглядеть окрестности с высоты и сориентировать меня на схрон. А потом я подумал, что правильно все сделал. Соколы птицы дорогие, а я нахожусь в образе простого солдата удачи, который ищет непыльную работенку, и мне они по чину не положены. Хотя, можно было их спрятать. Но в рюкзаке птиц долго возить не получится – им свежий воздух нужен. Так что сожаление пришло и ушло, и я в норме.

Чу! Внимание! Из леса приближался человек, и я просканировал окрестности. Все в норме и, если судить по эмоциям, это второй разведчик, который следил за дорогой. Мы его ждали, поэтому беспокоиться не о чем. Однако он был чем-то сильно встревожен, а значит, увидел нечто странное или подозрительное. Может быть, варяг заметил дружинников князя, которые обнаружили наши следы, и двинулись за отрядом? Возможно, хотя шли мы по лесу осторожно, ведь за плечами немалый опыт партизанской войны. Тогда, может быть, рядом крутятся местные священнослужители, которыми командует епископ Козьма, коего по настоянию ромейского императора привез с собой на Русь князь Василько Святославич? Тоже вариант. А если нет, то, что тогда? Не знаю и гадать бесполезно. Поэтому следовало дожидаться появления воина и услышать его доклад.

– Хрясь! – рядом хрустнула сухая ветка. После чего на небольшой полянке появился варяг, который окинул стоянку взглядом и облегченно выдохнул, а затем быстрым шагом подошел ко мне и присел рядом.

– Что на дороге? – поднимаясь, задал я ему вопрос.

– На тракте чисто. Но...

Он замялся, и я поторопил его:

– Не жмись, говори, что не так.

– Вождь, – бывалый вояка, который прошел десятки горячих схваток с врагами и пережил войну с крестоносцами, кинул опасливый взгляд на лес, – рядом кто-то есть. Я сидел

у дороги и ощущал на своей спине чей-то взгляд.

– Взгляд был враждебным?

Варяг пожал плечами:

– Не могу сказать, вроде бы нет.

– Ясно. Отдохни. Скоро выходим.

Снова я остался один и попробовал найти объяснение беспокойству воина. Однако на ум ничего не пришло. Вот разве только за нами присматривают лесные девы, которых считают воспитанницами леших и засевших в самых дремучих дебрях непримиримых святаров. Это запросто, так как место рядом непростое и за ним в любом случае кто-то должен присматривать. А поскольку тайных агентов церкви или княжеских егерей не наблюдалось, то это могут быть местные волхвы или дзяучонки. Опасно ли это? Вряд ли, но если к нам кто полезет, того мечами встретим, а ежели с добром подойдут или ограничатся простым наблюдением, то и мы никому зла не причиним.

Тем временем полянку озарил солнечный свет. Наступил рассвет, пора выходить.

Я встал. Воины стянулись ко мне, встали полукругом, и я заговорил:

– Значит так. Здесь остаются три человека. На них забота о лошадях. Сидеть тихо и не шуметь, и тогда нас не приметят, потому что местные жители сюда не ходят. Остальные идут со мной в болото. Если какой-то непорядок, беспокойство накроет или морок объявится, вернетесь обрат-

но, и дальше я пойду один. Ждать меня три дня и три ночи. Постараюсь управиться с делами пораньше, но может сложиться так, что я задержусь. Тогда меня не ждите. Уходите на соединение с Ратмировичем и Берладником, они знают, что дальше делать.

Воины молчали. Они были не согласны с моим приказом, ибо не привыкли бросать своих, и общее мнение высказал Хорояр Вепрь:

– Вадим, ты не прав. Мы не оставим тебя.

– Ты желаешь оспорить приказ? – в моем голосе появились жесткие командные нотки.

– Нет, – Хорояр покачал головой. – Однако...

– Тогда выполни, что я тебе сказал. Три дня и три ночи, а потом уйдете.

– А ты?

– Я не пропаду. Не за смертью в эти края пришел, а дабы знания получить. Понятно?

– Да.

– Тогда собираемся и выходим.

Стоянка осталась позади. На плечах рюкзак, а на теле заправленная в высокие сапоги брезентовая горка. Левая рука свободна, а правая сжимает длинную ровную палку. Под ногами еле заметная тропка, которая петляет по болоту, а воздух наполнен запахами гнили и мокрых трав. Прошли примерно двести метров. Затем еще сотню и еще столько же. Вокруг все та же самая глухая тишина, которую нарушает

только шум наших шагов, звяканье оружия и тихие голоса варягов.

Если мой расчет верен, вскоре начнется испытание. Группа войдет в защитную зону, которая окружает тайник, и какие сюрпризы нас ожидают, я могу только догадываться. Впрочем, и так все понятно. Страх, видения, галлюцинации, резкое ухудшение самочувствия и провокация на неадекватные поступки. Мощные ведуны окружают свои схроны и лежки именно таким набором, и Всеслав Брючиславич, если верить князю Василько, ничего нового не придумывал.

Словно вторя моим мыслям, раздался громкий вскрик одного из варягов:

– Смотрите!

Правая ладонь машинально перекинула палку-сlegу в левую руку и схватилась за рукоять меча. Затем разворот и я оглянулся. Варяг смотрел в сторону покрытой редкими и чахлыми деревьями трясины и в его глазах был неподдельный ужас.

– Что там!?! – окликнул я воина.

– Бушуй, побратим мой! К себе зовет! Это же он, разве вы не видите!?! Вон он, мертвый, с развороченной грудью, мне рукой машет!

– Это видение, ведь он погиб, когда мы на Лабе с германцами прошлой осенью сцепились, – попытался образумить одурманенного варяга Хорояр.

– Зн-н-наю, – слегка посиневшие губы воина подрагива-

ли. – Но вот же он стоит! Эй, Бушуй! Иди к нам!

Разумеется, мы никого не видели. Бушуй, по прозвищу Осина, был хорошим бойцом, и я его помнил, крепкий рубака и отчаянный человек. Но он погиб, я сам видел, как конный рыцарь насадил тело воина на копье. Следовательно, перед его побратимом морок.

– Бушуй! – снова воскликнул варяг и взмахнул рукой. – Я сейчас! Держись, брат!

Сказав это, воин бросился в трясины. Однако его соседи справа и слева были начеку и поймали товарища, сбили варяга в грязь и скрутили. Но лишь только они его повязали, как морок накрыл другого воина и он, молча, словно так и надо, ни говоря ни слова, шагнул в болото и моментально провалился по пояс. Слава светлым богам, морок действовал не на всех, по крайней мере, пока, и этого тоже вытащили. После чего, оглядев своих грязных и напуганных бойцов, которые не боялись реального противника, но тушевались перед призраками, я решил, что пока защита потайного места не накрыла всю группу, воинам надо уходить и отдал Хоро-яру приказ вернуться на стоянку.

В этот раз командир телохранителей не спорил. Он согласно кивнул, воткнул в тропу свою слегу, как знак, обозначающий границу, и повел варягов обратно на сушу. Ну, а я, проводив их взглядом, продолжил свой путь к намеченной цели.

Под сапогами хлюпает жижа, и я иду осторожно. Шаг. Другой. Третий. Остановка. Палка бьет по тропе и опять

мелкими шажками вперед. Никаких миражей я не вижу, и призраков нет, видимо, защита меня пропускает. Однако появилось ощущение, будто на меня кто-то смотрит. Попробовал нащупать наблюдателя своей ведовской сутью, но неудачно. Ничего. Ровный фон, ни зверья, ни тем более людей. Да и ладно, желает кто-то на меня смотреть, его дело, а я иду дальше.

Еще сотня метров позади и прямо передо мной появился островок, такой чистенький и ухоженный, что это сразу же бросается в глаза. Деревья, древние могучие ясени и дубы, словно аллея высажены вдоль тропинки, а рядом в болото стекает ручей с чистой и прозрачной водой. Очередной морок? Не похоже. Значит, скорее всего, это место, где находится святилище. Я близок к цели. Ура-ура! Глядишь, уже вечером вернусь к своим варягам. Однако загадывать наперед не стоит.

Очередной шажок и в этот момент над тропой пролетело что-то продолговатое, словно арбалетный болт, а затем предмет упал рядом со мной, и раздался посвист:

– Фить-фьюить!

«Что за хрень!?» – мысленно воскликнул я и в руке оказался меч. Но биться было не с кем. Снова послышался посвист и, опустив взгляд, я обнаружил на тропе живойта, крупного ужа с блестящей гладкой кожей и красным гребешком на голове. Тело змея замерло, он не шевелился и, подняв мордочку, как мне показалось, с любопытством, смотрел

на меня. И если раньше я не обратил бы на ужа никакого внимания и просто отбросил бы его прочь со своего пути, то сейчас попробовал вступить с ним в контакт. Ведь за плечами есть опыт с сапсанами и Змиуланом, тоже змеем, хоть и демоном. Кстати, если верить древним легендам, Змиулан из этих самых мест, а живойты его дальние родичи.

Спокойствие. Ровное дыхание. Тело расслаблено и веки полуприкрыты. Часть души высвобождается и, подобно облачку, отделяясь от меня, летит к голове живойта. После чего на миг в глазах темнеет и все получается. Есть контакт! Айда, молодец, ведун Вадим! Не зря учился и кое-что усвоил.

Глаза моргнули, и я обнаружил, что смотрю на себя со стороны, глазами змея, и это очень непривычно, поскольку все искажено и видится очень мутно. Но это неважно. Главное, пролистнуть воспоминания ужа и понять, почему он преградил мне путь, и это получается легко и свободно. Живойт молод, ему не более месяца, но он уже кое-что видел, в частности, святилище Брячиславича, которое находится за аллеей, и лесных дев, двух молодых светловолосых девушек в мужицких штанах и рубахах, которые прямо сейчас, сжимая в руках короткие сулицы, наблюдали за мной из зеленых дубовых крон. А привлек я внимание живойта своим запахом. От меня, оказывается, до сих пор идет запах Змиулана, который не чувствуют люди, а для ужа это знак высшего существа-прародителя. Правда, живойт этого не понимал, ибо разума у него, по меркам человека, не было. Но ему он и не

нужен, ибо есть инстинкты.

Все! Хватит! Я вернул часть себя обратно в родное тело, и краешком глаза посмотрел на деревья, где в густой листве находились лесные девы. Что им нужно и как они отреагируют на мое появление? Неизвестно. Однако возвращаться назад с пустыми руками я не намерен, впрочем, воевать с девчонками, которые мне не враги, тоже не хотелось. Значит, пока я их не вижу и не замечаю, агрессии не проявляю и делаю вид, что так и надо. Решено. Именно так и поступлю. Вот только ужика с собой заберу, полезный помощник. Разум с ним сливается легко и он может пролезть в любую щель, так что пригодится.

Наклонившись, я протянул живую руку. Змей подполз поближе, его раздвоенный язычок прошелся по моей коже, а затем он скользнул по руке вверх, переместился на предплечье и замер. Несколько секунд он сохранял неподвижность, а потом спустился вниз, в боковой карман куртки. Молодец. Грамотный змий. Залез, как он считает, в нору, и теперь будет отдыхать. А надолго он со мной или нет, время покажет. Захочет, уползет, а нет, пусть остается, одним разведчиком у меня больше.

До островка оставалось всего ничего, метров сорок, и это расстояние я преодолел быстро. Здесь опять остановился, замер под деревьями так, чтобы лесные подружки не могли меня задеть своими дротиками, если у них появится такое желание, и попытался прощупать их эмоции. Однако ничего

не вышло. Опять ноль, фон чист, ни единого живого существа, и не понятно, то ли это от места, в котором я оказался, зависит, то ли от самих лесных дев. Ладно, разберусь с этим вопросом попозже.

Я двинулся дальше по тропе и миновал зону возможного обстрела сулицами. Девушки себя не выдали, ни один лист не дрогнул, и я вышел на чистое пространство, где мне открылась покрытая невысокой травкой поляна, которая со всех сторон окружена деревьями. Из-под земли рядом с тропой бьет родник, а в нескольких шагах от меня нечто непонятное, обложенный невысокими камнями круг, а в центре него покосившаяся избушка с резной волчьей головой над входом и ровной односкатной крышей без дымохода. И не жилье, ибо нет амбаров, и отсутствует печная труба, хотя можно и через дверь отапливаться, и не зимовье, и не сторожка. Но и не капище, поскольку нет идола, и отсутствует алтарь. Странно это, но сие не проблема, я и не такое видел.

Оглянувшись и не заметив опасности, вошел в ограду из камней, а затем оказался в избушке. Людей внутри, само собой, не было, очага тоже и никакой мебели. Зато возле стены обнаружился окованный стальными полосами сундук с навесным железным замком (по нынешним временам очень дорогая вещь), а напротив него находился врытый в земляной пол большой валун. Тянуть время смысла не было и, обойдя избу-временку по кругу, я скинул рюкзак с про-

довольствием, водой и вещами. После чего приступил к делу, и начал с ревизии того, что имеется.

Итак, что есть в наличии? Украшенный парой непонятных символов гранитный камень – одна штука. Назначение его неизвестно и, предположительно, он обозначает вход на тропы Трояна или под ним что-то зарыто. Ну и плюс к этому имеется сундук – тоже одна штука. Предположительно, хранилище секретов Всеслава Брючиславича. Я за всем этим сюда как раз и пришел, так что Вадим Сокол, не теряйся и чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях и рядом две непонятные девахи с дротиками.

Ладони опустились на покрытый ржавчиной замок. Рывок! И ничего. Металл звякнул, но не поддался. Не беда. Меч из ножен. Оплетенная кожей рукоять обхватывается двумя руками, а затем замах и удар.

– Дзан-г-г!

Звук разрубленного металла прокатился по помещению и одну дужку я все же расколочил. После этого снова попробовал поработать руками и замок поддался. Кусок железа упал наземь, а клинок вошел в щель между крышкой и стенкой. На мгновение я замер и попробовал представить себе, что же лежит внутри. Золото и брильянты, древние магические артефакты или оружие? Нет. Наверняка, книги и записи князя – это я уже определил заранее. Однако чего гадать? Можно ведь посмотреть.

– Ну, он сказал поехали, и взмахнул рукой, – сам себе

под нос прошептал я и рывком поднял крышку сундука.

Ржавые петли скрипнули, и крышка соприкоснулась со стеной. Затем я, конечно же, посмотрел внутрь и обнаружил, что сундук полон какой-то сероватой трухи. Клинком поворошил эту смесь из клочков кожи, бумаги, бересты и какой-то ткани, и выхватил только один более-менее целый фрагмент, на котором были видны размытые влагой буквы. Больше в сундуке ничего не оказалось, зато дно было покрыто мышинными норками – вот, значит, кто все знания уничтожил.

В общем, разочарованию моему не было предела. Но с другой стороны, а чего я ожидал? Брючиславич умер сорок семь лет назад, и с тех пор это место люди не навещали. Разве только лесные девы, но они дети природы, а я говорю про наследников великого полоцкого князя. Отсюда итог: знаний нет, и остается надеяться только на то, что я смогу найти выход на волшебный путь самостоятельно. Но соваться туда без подготовки не хочется, мне ведь не пятнадцать лет, чтобы шкурой своей почем зря рисковать. И выходит, что точку перехода локализовать, наверное, можно, а использовать портал нельзя. Так? Точно так. Хотя есть иной вариант – поймать местных дриад и потолковать с девушками по душам. Возможно, они дадут пару дельных советов, конечно, если плохого не задумают и станут со мной разговаривать.

Я приблизился к двери и оглядел открытое пространство. Ни единого подозрительного движения. На деревьях лесных

дев, наверное, уже нет и где их искать не ясно. Но зато у меня есть живойт, который сможет их отыскать.

Рука нырнула в карман куртки, и уж послушно уместился на ладони. Затем я вынул его на свет, соприкоснулся с ним частичкой своей души, сформировал образ лесных дев и отдал ему мысленную команду:

«Найди их!»

Живойт меня понял и, что характерно, послушался. Его тело изогнулось, и прямо с руки он метнулся в траву. Миг и его нет. Только покрывающий землю зеленый ковер пару раз шелохнулся и более ничего. Но я был с ним и, закрыв глаза, ощущал себя частью ужа, который отполз недалеко, поскольку девушки, чьи образы глазами змея воспринимались очень смутно, находились совсем рядом. Одна пряталась за углом избушки, а другая находилась на крыше, прямо над входом, словно хотела меня поймать. Я их по-прежнему не чувствовал и это стало меня несколько беспокоить, слишком привык использовать свои таланты, как в бою, так и в мирное время, а тут раз, и они отказали. Ну и ничего. В любом случае этих лесных девочек возьму, а потом мы потолкуем о том, кто они, откуда, что здесь делают и какими знаниями обладают.

Отпустив живойта, который сделал свое дело, я вобрал в грудь воздуха, выдохнул и прошептал:

– Давай, Вадим. Работай.

Ножны с мечом упали на пол, и при мне остался только

кинжал. Вся надежда на повышенную скорость реакции и руки, ведь задача взять пленных, а не убить противника. Так что вперед!

Глава 6

Полоцкое княжество. Лето 6656 от С.М.З.Х.

Рывок! Ладони зацепились за верхний край двери, и я подтянулся. Еще рывок! Я на крыше и передо мной стоит лесная дева, девушка лет двадцати, может, чуточку старше, волосы светлые и выгорели на солнце, в левой руке два дробика, а в правой еще один, который готов для броска. Перекат к условному противнику! Над головой просвистело древно и, вставая, левым плечом я ударил дзючонку в живот. Она задохнулась и стала сгибаться. После чего я обхватил ее тонкую шейку ладонями и слегка придушил будущую пленницу, которая сразу же обмякла. Хорошо. Один ноль в пользу команды гостей, но матч еще не окончен.

– Ива! – донесся снизу обеспокоенный голос второй лесной девы. – Где он!?

«Где-где, – мелькнула в голове веселая мысль, – сказал бы я тебе, да не люблю хамства без причины».

Я подошел к краю крыши, как раз туда, откуда доносился голос следующей жертвы. Прислушался. Тихо. Но она здесь – это факт, и я прыгнул вниз.

Короткий полет, благо, не высоко. Приземление и очередной перекат. В то место, куда я упал, воткнулся еще один дробик. Отлично! Подъем и я снова на ногах. Моя очередная противница совсем еще малолетка, лет пятнадцати, кур-

нося и лицо в конопушках, а сулица в руках дрожит. Блин! Тоже мне, боец. Хотя, если бы не наработанные реакции и чутье на опасность, получил бы я дротик под ребра, и это было бы весьма неприятно. Так что недооценивать никого не надо, ибо даже дети могут быть опасны.

– Брось сулицу! – потребовал я от лесной девы и шагнул на нее.

– Не подходи! – закричала она с дрожью в голосе.

Еще шаг. Между нами метра три и дзючонка отступает. Сулица вот-вот полетит в меня, но я не жду. Прыжком преодолеваю разделяющее нас расстояние и выбиваю древко из девичьих рук. Затем закрутил девице руку, так, чтобы она не вырвалась, и уложил ее лицом вниз.

А дальше все было просто. Ремень с ножнами со штанов девушки долой, кисти рук ей скрутил и в хижину. Затем вновь поднялся на крышу и занялся старшей лесовичкой. Связал, спустил тело на землю и опять-таки в пещеру, тьфу, конечно же, под крышу.

Присел. Смотрю на живые трофеи. По внешнему виду типичные славянские девушки, молодые и миленькие. Вот только в мужской одежде и эмоции невозможно прослушать. И дабы не терять времени, я начинаю допрос,двигаюсь на младшую девчонку, которая зыркает на меня исподлобья, и спрашиваю:

– Кто вы и зачем следили за мной?

Молчание и обиженное сопение. Пленница отвечать

не хотела – понятно, и я стал прикидывать, как бы ее раскрыть на информацию без применения пыток. Но в этот момент пришла в себя вторая пленница, которая произнесла:

– Хочешь разговора, обращайся ко мне.

– Вот как? – я присел уже перед старшей лесной девой. –

Что же, давай пообщаемся. Кто вы?

– Воспитанницы святара Бойдана Волка, хозяина окрестных лесов. Меня Ива зовут, а ее, – она кинула взгляд на младшую, – Зоряна.

– И далеко отсюда ваш волхв?

– Не очень.

– Ну и зачем вы за мной следили?

– Бойдан послал... – девушка помедлила и добавила: – Тебя еще в Витебске заметили и там же почуяли, что ты ведун. Вот Бойдан и захотел узнать, куда и зачем ты едешь. Мы не думали тебе как-то навредить, и в мыслях такого не было...

– Это хорошо, – прервал я девушку. – Значит, мирно разойдемся. Но развязывать вас я пока не буду – не обессудь, красавица. Побеседуем, а там видно будет.

– Мы в твоей власти.

Ива смирила меня каким-то оценивающим и на удивление спокойным взглядом, а затем опустила глаза, и я продолжил разговор.

– Ты знаешь, что это за место?

– Знаю.

– И про тропы Трояна, наверное, слышала?

– Да.

– А как на них выйти?

– Просто. – Девушка кивнула на камень. – Приложи к нему руку и иди. Только далеко не уйдешь, страшно там.

– Это понятно, но я к этому готов. Сама-то на тропах бывала?

– Нет. Нечего мне там делать. Да и вообще, живым там не место, жуть одна.

– Давно вы за мной присматриваете?

– Третий день.

– А почему я вас не почувял?

– Мы в родных лесах и они нас защищают. Тебе, чужаку, не понять, хоть ты и ведун.

Я задумался над словами девушки и пришел к выводу, что она права. Как ни крути, но здесь я чужак. Впрочем, как и большинство венедских волхвов и ведунов. Ведь, несмотря на общность крови, славяне западные и восточные имеют отличия, которые сразу в глаза не бросаются, но они есть. Да, все мы родня. Да, есть общий язык и своя письменность. Да, кто не верит в Христа и чтит старых богов, является язычником. Однако, не все так просто. Восточная ветвь язычества и венедская это разные пантеоны. Следовательно, культура у нас несколько иная. Как пример, у варягов и тех же полян имелись общие боги: Святovid-Сварог, Велес, Перун, Лада, Макошь и Морена. Но при этом рядовые руянцы

знать не знали, кто такой Дажьбог или владыка лесов Святобор, а жители Поднепровья не понимали, кто таковы Поревит, Поренут, Радегаст или Яровит. Это то, что на поверхности, а имеется множество мелких нюансов. А кривичи, которые являются потомками киммерийцев (готов-кимвров), вобравших в себя несколько балтийских родов и получивших через своих князей и их дружинников немалую толику варяжской крови, вообще отдельная тема и у них свои культуры, про которые мне известно очень и очень мало.

Вот как-то вспоминал христианские секты и здесь, примерно, то же самое. С той лишь разницей, что язычники не убивают представителей других родовых верований, а мирятся с ними и признают право сородичей на уважение других богов. Разумеется, лишь в том случае, если речь не идет о каких-то непотребствах или культурах открытого поклонения смерти. В этом наша сила – в уважении других людей и свободе выбора. Но в этом же, как ни странно, наша слабость, ибо верования не универсальны. А раз нет единства, зачастую это ведет к разделению, расколу и удалению представителей одного народа друг от друга. Об этом я впервые узнал, когда с новгородским волхвом Берестом пообщался. А далее мысль развилась, когда делал прикидки на поход в земли почитателей Морены венделей. Но затем пришла война, и мне стало не до того. Все мои измышления насчет верований славянских племен опустили на дно памяти, а теперь они всплыли, ибо меня называли чужаком.

Впрочем, я отвлекся и надо вернуться к лесным девам и нашей беседе. Я задавал Иве один вопрос за другим и многое узнал о том, как и чем живут последние оставшиеся в пределах Полоцкого княжества святары, а так же их воспитанники, дзяучонки и ведуны, часть из которых похищалась из семей еще во младенчестве или родители сами отдавали их волхвам. Так прошло два часа, я напоил девушек водой, а затем, в конце разговора, который уже стал меня утомлять, спросил старшую лесовичку:

– Я могу увидеться с вашим волхвом?

– А тебе зачем? – девушка сверкнула глазами.

– Знаний ищу.

– Если отпустишь меня и подругу, то увидишь Бойдана.

Он сам к тебе придет.

– А не обманешь?

– Больно надо, – фыркнула Ива.

Конечно, можно было оставить одну девицу в заложниках. Но это признак недобрых намерений и недоверия. Да и не по воинскому укладу с девицами драться или как-то их примучивать, ведь я не на войне. Первичную информацию с лесных дев получил, интерес ко мне прояснил, и скользкие темы обозначил, а дальше, куда кривая судьбы вынесет. Захочет Бойдан появиться, поговорим, а нет, ничего страшного. Сам с порталом постараюсь разобраться. Ведь какое-то понимание уже имеется и пленница кое-что поведала, и если я не смогу пройти по тропам, то оставлю это перспективное

направление на потом.

– Идите, – я развязал Иву и кивнул на ее подругу, которая за все время нашей беседы не проронила ни единого слова: – Забирай младшую и уходи.

Ива поднялась, растерла покрасневшие кисти рук, освободила от ремня Зоряну и, подхватив свои сулицы и ножи, дзючонки, молча, выскочили за дверь.

Скрипнули ржавые петли и девушки понеслись через поляну. Затем они скрылись среди деревьев, а в избушку заполз живойт.

«Вернулся, – подумал я, глядя на ужа. – Значит, подружимся».

Тем временем приближался вечер и я вспомнил, что сегодня еще ничего не ел. В животе заурчал голодный зверек, и я распаковал рюкзак. Вещи в одну сторону, а продовольствие и фляги с водой в другую. После этого сполоснул руки, растелил на сундуке чистую тряпицу и поужинал. Лучок и чеснок, копченое мясо и половина большого рыбного пирога, купленного в одной из деревень возле тракта. Потом все это запил водичкой, посмотрел, как живойт поглощает маленький кусочек оленины, и прибрался.

Пока ел, на землю опустились сумерки. Прислушался к звукам леса и снова ничего. Тишина. Птиц нет, и зверье не ходит. Только ветки деревьев шумят, да в траве что-то ворохнулось, наверное, полевые мыши, падлюки такие, которые уничтожили книги Всеслава. Хотя, наверняка этого

сказать нельзя. Ведь если за местом присматривают святары и лесные девы, то очень может быть, что все записи у них, а в сундуке специально накиданный мусор. Опять же, не верится мне, что в потайном месте больше ничего не было. А раз так, то вещи, находившиеся здесь ранее, после смерти Всеслава аккуратно прибрали. И то, что Ива на вопросы о книгах и свитках отвечала уклончиво, данный факт подтверждает.

Однако, гадать нечего. Надо думать, что делать дальше. День прошел, а результат от поиска минимальный. Правда, в запасе еще двое суток, но тратить сорок восемь часов на ожидание того, что, возможно, появится святар, который на халяву поделится знаниями и даст мне мега-меч, добавляющий славному ведуну Вадиму Соколу +20 храбрости и +40 силы, было глупо. Поэтому, раз спать не хочется, то займусь исследованием камня.

Решение было принято. Я поправил ножны с мечом, подтянул ремень и по руке скользнул живойт, который уместился на левом плече. Далее я приблизился к камню и протянул к нему раскрытую правую ладонь. Пустота. Никаких колебаний воздуха, свечения, загробного голоса или знаков, которые говорили бы о том, что камень является входом на тропы и как-то активировался. Ладно. Сделаю следующий шаг. Ладонь легла на причудливый узор на камне, и моментально все мое тело пронзила резкая боль, словно от сильного удара электричеством.

– А-а-а!!! – не сдержавшись, я закричал. Потом в глазах потемнело, а зубы прокусили язык, и на мгновение я лишился слуха.

Во рту соленый привкус – это кровь из языка, которая стекает в гортань. В ушах звон, но зрение понемногу возвращается и, смахнув рукавом горки набежавшие слезы, я моргнул, сдержал очередной крик и обнаружил, что нахожусь не в избушке, а на тропе Трояна. Вокруг густой серый туман, на вид вязкий и, кажется, только коснись его и все, пропал. Он захватит тебя, будто паутина, втянет в себя, а потом подобно кислоте растворит брненное человеческое тело и саму душу. Первое впечатление дрянь, ибо от этой непонятной субстанции исходила опасность. Однако в остальном все было примерно так, как я себе и представлял. Под сапогами неширокая дорожка, которая на общем безрадостном фоне кажется светлой полосой. Над головой нечто темное с крапинками звезд, наверное, ночное небо. А за спиной уже знакомый мне камень, на который можно положить ладонь и вернуться обратно в реальный мир.

«А может, ну его, эти тропы? – проскочила в голове мысль, но тут же пришла следующая: – Э-э-э, нет, Вадим Андреевич. Долой трусость. Вступил на тропу, так хотя бы пройди до следующего знака и посмотри, куда он тебя выведет. Ты ведун или где?»

– Да уж, – прошептал я, – ведун, не поспоришь. Ибо назвался воином Яровита, будь добр, соответствуй».

Я шагнул вперед. Подошва наступила на твердую поверхность дорожки, и я замер. Норма, можно двигаться далее.

Следующие шаги я делал уже без опаски. Прошел десяток метров, вновь остановился, а затем оглянулся и увидел, что позади тоже туман. Камень пропал и на миг я едва не поддался панике. Появилось желание рвануть обратно, и вот тут-то, чародейская дорога и стала меня испытывать, как защитный рубеж потайного места сегодня утром моих варягов на болоте проверял.

– Вадим! Помоги мне! – я услышал голос своей первой жены, которая погибла в автомобильной катастрофе, и мое тело едва не совершило прыжок в туман, на помощь той, кого я любил и всегда помнил.

– Вадим! – опять донесся знакомый голос, в котором было страдание и отчаяние. – Спаси! Мне плохо и страшно!

Душа застонала и стала разрываться на части. Я стиснул рукоять клинка и огляделся. Однако туман был непроницаем, и я выкрикнул:

– Кто ты!?! Выйди! Покажись! Зачем ты говоришь голосом моей жены!?! Ну же, явись! Я не боюсь тебя!

Разум понимал, что я кричу зря. Однако не всегда человек поступает разумно, и это отличает его от бездушной твари. Поэтому все, что я мог, кричать. Я угрожал и злился, боялся и потрясал оружием, но с тропы при этом не сошел, и это было моим спасением.

Женский голос смолк, и я не знал, сколько прошло вре-

мени, пять минут или несколько часов. Это было неважно и, как только морок прекратил психологическую атаку, я продолжил свой путь, не отвернул назад, а двинулся вперед.

Еще пара десятков шагов пройдена и снова голоса:

– Лейтенант, прикрой! – по ушам бьет громкий окрик старшего разведчика-пулеметчика Сидора, который погиб на Кавказе.

– Вспышка слева! – вторит ему мой инструктор по стрелковой подготовке из училища.

– Соколов, к доске! – строго произносит классный руководитель.

Голоса менялись, и я слышал всех, кого когда-то знал и перед кем испытывал хотя бы малейшее чувство вины, и избавиться от навязчивого морока не было никакой возможности. Даже уши затыкал. Но куда там? Возгласы, команды и панические окрики били в самое сердце и отзывались в нем желанием кинуться на помощь людям, чьи лица услужливая память воскрешала передо мной. Но хуже всего пришлось, когда я услышал голоса своих погибших детей.

– Папа! Папочка! Нам холодно! Мы замерзаем! Здесь страшно и темно! Где ты!?

Слышать эти жалобные детские голоса, которые я никогда не забывал, было мукой, какую даже самому заклятому врагу не пожелаю. Поэтому я был на волоске от безумного поступка. Вот только я выдержал и не поддался мороку. Кстати говоря, живойт помогал. Лишь только я отклонялся

от намеченного маршрута, как он издавал резкий посвист, и это немного приводило меня в чувство. Так вот я и шел. Змей свистел, душа разрывалась на части, а ноги упрямо, метр за метром, преодолевали расстояние и, наконец, справа от меня оказался следующий путевой знак, такой же камень, как и в избушке Всеслава, но узоры другие. Голоса смолкли, а затем я без колебаний приложил руку к валуну и через боль, которая вновь затмила глаза, вышел в мир Яви.

В этот раз переход произошел чуточку легче, и я восстановился быстрее. А когда смог оглядеться, то обнаружил, что с тыла валун, а я нахожусь в сухом подвале, в коем не так давно были люди, ибо на стоящих вдоль стен бочонках находилась еще теплая свеча, а в воздухе витала смесь из запахов пота, воска и пыли. В общем, помещение рабочее. Но вот вопрос. А где оно находится? Пока не добудешь языка и не присмотришься к обстановке, не разберешься. Поэтому, поднявшись по узкой лесенке, я толкнулся в широкий лаз под потолком.

– Дух-х! – крышка дернулась, но не поднялась, ибо наверху был прочный запор.

Ладно. Спустился вниз и приступил к осмотру. Бочки, как правило, стандартные, примерно по пятьдесят литров каждая, и в них было залито какое-то душистое масло и расплавленный говяжий жир. Значит, это хозяйственное помещение. Однако ответа на мой вопрос, где же я нахожусь, как не было, так и нет. И тогда я решил в щель между крыш-

кой лаза и полом выпустить живойта, дабы он осмотрелся. Только сделать это не успел.

Наверху заговорили люди. Поэтому я замер без движения и прислушался к их разговору.

– Ты точно слышал шум? – спросил мужик, судя по густому басу, тучный человек в возрасте и с одышкой.

– Да-да, – ответил ему молодой и звонкий голосок. – Крышка лаза сильно дернулась. Наверное, это черт.

– Один раз крышка вздрогнула?

– Да.

– А точно в подвале больше никого не было, когда ты уходил?

– Вроде бы никого за спиной не оставил. Масло взял, как отец Никодим велел, запор накинул и выскочил. Но темно ведь было и страшно.

Молчание, а затем удар по люку и тот, кого молодой называл отцом Николаем, воскликнул:

– Кто ты!? Именем Господа, отвечай! Сатана!?

«Кажется, я где-то в монастыре, – подумал я. – Но это и не удивительно. Ведь уже отмечал, что точки перехода, как и любые иные точки силы и намоленные места, привлекательны для постройки храмов. Ну, а коли так, то надо или уходить, или хитрить и добывать информацию. Пока опасности нет, значит, следует разобраться, где я и что со мной. Опять же не факт, что портал сработает. Вдруг, он по какому-то графику включается? Я ведь этого пока не знаю».

– Это я, Иван.

Мой голос был глух и неразборчив. Имя назвал самое пространенное и если храм, куда меня выкинуло, большой, наверняка, в нем отыщется парочка Иванов.

– А что ты там делаешь? – священнослужитель, эмоции которого я смог уловить, несколько расслабился.

– За маслом спустился, а потом меня случайно закрыли. Крикнул вслед, да меня не услышали, охрип, что ли.

– Бац! – отец Николай дал молодому пареньку, который его привел к подвалу, затрещину и сказал:

– Дурачина и раззява. Что же ты Ивана закрыл? Открывай болезного быстрее.

– Понял.

Мальчишка откинул в сторону запор, а отец Николай сошел с люка и я рванулся из ловушки. Крышка откинулась, и я выскочил наверх. Передо мной двое. Полный бородатый брюнет с упитанным лицом и черном подряснике, а рядом с ним худой паренек, кожа да кости, в латаной длиннополой рубахе.

– Ты же не Иван!?! – приподнимая масляную лампаду, произнес священнослужитель.

– Это точно, – согласился я с ним и впечатал кулак ему в солнечное сплетение.

Монах или кто он там в своей иерархии, согнулся и раззявил рот, словно выброшенная из воды рыба. После чего я перехватил лампаду и поставил подножку пареньку, который

хотел убежать. Затем опустил светильник на пол, вырубил священнослужителя ударом по шее и занялся мальчишкой.

– Что это за место?

Округлившимися от страха глазами паренек смотрел на живойта, который по-прежнему сидел на моем плече, и не мог вымолвить ни слова. Но когда я его встряхнул, он произнес:

– Эт-т-о под-д-вал.

– Само собой. А под чем подвал находится?

– Под со-б-бором.

– А каким?

– Софийским.

– В Новгороде? – удивился я, так как первая ассоциация, которая пришла в голову, была связана именно с новгородским храмом.

– Не-е-ет. В Киеве.

«Вон оно как, – я качнул головой. – Значит, я в Киеве. Шел по тропам всего-то ничего-то, сколько точно, не знаю, но не больше пары-тройки часов, а то и меньше, и перешел из Полоцка в столицу Руси. Круто, однако».

– Значит, это Киев? – уточнил я.

– Он самый.

– А день какой?

– Червень. Двенадцатое число.

«Со временем порядок, – отметил я, сканируя собор в ко-ем было много людей, среди которых находилось немало во-

инов. – Но надо уходить. По Киеву мне бродить рано. Местные священнослужители уже всполошились, видать, имеются среди них одаренные люди, а значит необходимо возвращаться назад. Вот только что со священником и парнем делать? Убить их? Нет, я же не зверь. Да и не даст это ничего. Наверняка, киевские священнослужители про камень языческий знают, да и трупы все равно к подвалу приведут. Так что таиться особо нечего. Коль понадобится, к порталу я всегда смогу прорваться, особенно, если не один, а с дружинниками».

Пальцы сдавили шею паренька, как недавно они сдавливали шейку дзяучонки, и он потерял сознание. Пора уходить, и я вернулся в подвал. Здесь перед валуном на миг замер, пару раз глубоко вздохнул и выдохнул, затем погладил живойта по его короне и приложил ладонь к узорам.

Вспышка боли. Переход. Тропа. Взгляд влево и вправо, а затем вниз. Моих следов, естественно, нет. Но направление помню. Мне налево. Живойт опять посвистывает, нервы на пределе и я решил преодолеть дистанцию между двумя порталами бегом.

Вдох-выдох! Побежал. И практически сразу вокруг заверещало и завыло, словно рядом стадо демонов из какого-нибудь фильма ужасов. Неприятно и страшно. Поджилки трясутся, хотя есть понимание того, что все это ненастоящее, но скорость я не сбросил и буквально через минуту или две, со временем на тропе определиться сложно, особен-

но в стрессовом состоянии, оказался перед Полоцким камнем. Норма. Все смолкло. Никакой тревоги. Сердце вошло в свой привычный ритм, и я оказался в избушке на острове среди болот.

Накопившееся во время путешествия по чародейским тропам напряжение накатило и сковало все тело. Поэтому я привалился к сундуку и замер без движения. После чего стал проваливаться в сон, который должен был принести мне отдых. Тропы, страхи, перемещения между двумя княжествами, шепот демонов и анализ моих действий. Все это будет потом, а пока я просто устал, словно весь день на горбу мешки с цементом таскал, и мне требовался покой. Однако на поляне послышался шум человеческих шагов. Кто-то шел к избушке и не скрывался, специально ворошил траву и освещал дорогу факелом, который потрескивал. Незнакомец направлялся ко мне, тут гадать нечего, и пришлось подняться.

– Тук-тук! – спустя несколько секунд неизвестный косяшками пальцев пробарабанил по косяку, и я услышал голос уверенного в себе мужчины:

– Эй, ведун! Войти можно?

– Входи, – ответил я и отступил к камню, который можно было использовать в драке как прикрытие.

Крупный силуэт на мгновение заслонил лунный свет и на пороге, с факелом в руках, появился бородатый старик. Волосы длинные и черные, без седины, а лицо в глубоких морщинах. Эмоций его, как и в случае с дзявчонками, я не слы-

шал. Однако понимал, что противник он более чем серьезный. Слишком мягко и уверенно двигался. Воина видно сразу, может быть, бывшего, но бойца. Да и одет не как мирный пахарь. Штаны добротные и заправлены в сапоги, рубаха с вышивкой свастичной по вороту, а на широком воинском поясе с несколькими серебряными бляшками и золотой прошивкой висел прямой меч. Значит, витязь. Но не простой, а волхв. Я таких в Арконе не раз встречал, но не знал, что они остались на Руси. Впрочем, как я уже отмечал, на Руюне с некоторыми восточными волхвами, которые оказались в окружении христиан или двоеверов, старались не контактировать.

– Ну, что скажешь, – старик смерил меня пытливым взглядом и слегка улыбнулся, – станем драться или поговорим?

– Лучше, конечно, поговорить, – по губам тоже пробежала улыбочка и я, уже понимая, кто передо мной, спросил витязя: – Ты Бойдан?

– Он самый, – волхв кивнул и посмотрел на камень позади меня. – На тропу уже ходил?

– Да.

– Молодец. Не струсил. Хотя удивляться нечему. Ты ведь ученик Векомира?

– Можно сказать, что и так. Но я сам по себе.

– Ясно. – Бойдан воткнул факел в центре избушки, а затем расположился напротив меня и сказал: – Ты правильно сделал, что воспитанниц моих отпустил. Иначе бы я с тобой

разговаривать не стал, а объявил на тебя охоту. Но раз все по добру, то давай-ка мы с тобой, мил человек, Вадим Сокол, пообщаемся. Сначала я тебя расспрошу, как ты Иву и Зоряну спрашивал, а потом ты от меня ответы получишь.

«Надо же, – пришла мысль, – я дзяучонкам свое имя не называл, а Бойдан его знает. Так что не простак, либо кого-то из моих варягов уже повязали, либо подслушали их, может быть, сегодня, в возможно, еще пару дней назад».

Поджав под себя ноги, я положил меч и сел. Затем мы столкнулись с полоцким святаром взглядами, и отвернулись одновременно. После чего я сказал:

– Спрашивай, волхв.

Глава 7

Смоленское княжество. Лето 6656 от С.М.З.Х.

Солнечный денек. Благодать. Тихо и спокойно. До Днепровского волока всего три десятка верст и хочется жить. Мысли текут плавно и выстраиваются в четкие логические цепочки. Самое время поразмыслить над тем, что было, есть и будет, но меня окликает начальник охраны варяг Хорояр:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.